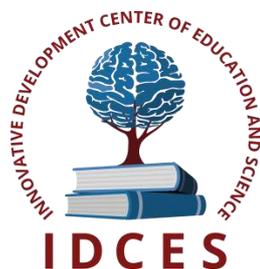

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

Общественные науки: вопросы и тенденции развития

Выпуск III

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(11 ноября 2016г.)**

г. Красноярск

2016 г.

УДК 3(06)
ББК 60я43

Общественные науки: вопросы и тенденции развития / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 3. г. Красноярск, 2016. 66 с.

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук Арефьева Ирина Александровна (с.Краснореченское), кандидат исторических наук, доцент Арчбасова Надежда Анатольевна (г. Волгоград), доктор философских наук, профессор Билогур Влада Евгеньевна (Украина, г. Мелитополь), доктор социологических наук, доцент Бондаренко Галина Ивановна (г. Краснодар), кандидат философских наук Бреслер Михаил Григорьевич (г. Уфа), доктор политических наук, профессор Вартумян Арушан Арушанович (г. Пятигорск), доктор философских наук, доцент Воденко Константин Викторович (г. Ростов-на-Дону), доктор философских наук, профессор Воронкова Валентина Григорьевна (Украина, г. Запорожье), кандидат социологических наук Жегусов Юрий Иннокентьевич (г.Якутск), доктор философских наук, профессор, старший научный сотрудник Зинченко Виктор Викторович (Украина, г. Киев), кандидат философских наук, доцент Канц Наталья Александровна (г.Ставрополь), доктор исторических наук, профессор Малышева Елена Михайловна (г.Майкоп), доктор политических наук, доцент Марков Евгений Алфеевич (г.Череповец), доктор социологических наук, доцент Маслова Татьяна Федоровна (г.Ставрополь), кандидат социологических наук Насыбуллин Алексей Альбертович (г. Казань), кандидат философских наук Осина Оксана Николаевна (г. Саратов), доктор социологических наук, профессор Ростовская Тамара Керимовна (г. Москва), кандидат исторических наук, доцент Соловьянов Николай Иванович (г. Красноярск), доктор исторических наук, член-корреспондент РАН Сопов Александр Валентинович (г.Майкоп), кандидат исторических наук Туфанов Евгений Васильевич (ст. Новомарьевская), доктор исторических наук, профессор Шебзухова Татьяна Александровна (г. Пятигорск).

В сборнике научных трудов по итогам II Международной научно-практической конференции «**Общественные науки: вопросы и тенденции развития**», г. Красноярск представлены научные статьи, тезисы, сообщения аспирантов, соискателей ученых степеней, научных сотрудников, докторантов, преподавателей ВУЗов, студентов, практикующих специалистов в области общественных наук Российской Федерации, а также коллег из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, не подлежащих открытой публикации. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов. Материалы размещены в сборнике в авторской правке.

Сборник включен в национальную информационно-аналитическую систему "Российский индекс научного цитирования" (РИНЦ).

© ИЦРОН, 2016 г.
© Коллектив авторов

Оглавление

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.00)	6
СЕКЦИЯ №1.	
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.02)	6
АРМЯНЕ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941-1945 ГГ. Геворгян Г.А.	6
СЕКЦИЯ №2.	
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.03)	9
СЕКЦИЯ №3.	
АРХЕОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.06)	9
СЕКЦИЯ №4.	
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.09)	9
СЕКЦИЯ №5.	
ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.10)	10
СЕКЦИЯ №6.	
ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.15)	10
ЭТНОГРАФИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.07)	10
СЕКЦИЯ №7.	
ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.07)	10
САМОБЫТНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ПРАГИ Соукупова Б.	10
ПОЛИТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.00)	22
СЕКЦИЯ №8.	
ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.01)	22
СЕКЦИЯ №10.	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.03)	23
СЕКЦИЯ №11.	
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.04)	23
СЕКЦИЯ №12.	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.05)	23
СЕКЦИЯ №13.	
КОНФЛИКТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.06)	23
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.00)	23

СЕКЦИЯ №14.	
ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.01)	23
СЕКЦИЯ №15.	
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.03)	23
СЕКЦИЯ №16.	
СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.04)	23
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ИМИДЖА: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ КОНТЕКСТ Ахбулова А.Г., Чернышкова Е.В., Юрова И.Ю., Самарина Т.А.	24
СЕКЦИЯ №17.	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.05)	27
СЕКЦИЯ №18.	
СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.06)	27
СЕКЦИЯ №19.	
СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.08)	27
ДИНАМИКА УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ПРОЦЕССОМ ОБУЧЕНИЯ В ТЕЧЕНИЕ ПЕРВОГО ГОДА ОБУЧЕНИЯ Орлова Н.А.	27
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.00)	31
СЕКЦИЯ №20.	
ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.01)	31
РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В СТАНОВЛЕНИИ БЫТИЯ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА Пузикова В.С.	31
СЕКЦИЯ №21.	
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.03)	35
ФЕНОМЕН «ТЕИСТИЧЕСКОГО РАЦИОНАЛИЗМА» В РУССКОЙ ДУХОВНО- АКАДЕМИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ. ТЕЗИСЫ Бекжанова Е.С.	36
СЕКЦИЯ №22.	
ЭСТЕТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.04)	39
СЕКЦИЯ №23.	
ЭТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.05)	40
СЕКЦИЯ №24.	
ЛОГИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.07)	40
О НЕТАБЛИЧНОСТИ ДИЗЪЮНКТИВНО-НЕГАТИВНОГО ФРАГМЕНТА ЛЮБОЙ ω -ПАРАПОЛНОЙ ЛОГИКИ ВАСИЛЬЕВСКОГО ТИПА* Попов В. М.	40
О НЕТАБЛИЧНОСТИ КОНЪЮНКТИВНО-НЕГАТИВНОГО ФРАГМЕНТА ЛЮБОЙ ω -ПАРАНЕПРОТИВОРЕЧИВОЙ ЛОГИКИ ВАСИЛЬЕВСКОГО ТИПА* Попов В. М.	51

СЕКЦИЯ №25.	
ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.08)	62
СЕКЦИЯ №26.	
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.11)	62
СЕКЦИЯ №27.	
ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ	
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.13)	63
РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.14)	63
СЕКЦИЯ №28.	
ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ	
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.14)	63
ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2016 ГОД	64

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.00)

СЕКЦИЯ №1.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.02)

АРМЯНЕ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941-1945 ГГ.

Геворгян Г.А.

Армавирский государственный педагогический университет, г. Армавир

Великая Отечественная война 1941-1945 годов, завершившаяся всемирно-исторической победой советских народов продемонстрировала нерушимую дружбу и братство этих народов. Эта дружба явилась одним из основных источников могущества СССР, его Вооруженных Сил, которая еще более закалилась в тяжелых испытаниях войны.

Активным участником Великой Отечественной войны явился и армянский народ, который в едином порыве, вместе со всеми советскими народами поднялся на защиту Родины. Участие сынов армянского народа в борьбе против фашистских захватчиков снискало им славу с самого начала войны. 25 августа 1941 года «Правда» опубликовала передовую статью «Армянский народ – боевой участник освободительной войны Советского Союза» [3, С.14]. Как писала газета, «имена многих сынов армянского народа, прославившихся своей беззаветной отвагой и мужеством на фронтах Отечественной войны, известны всему Советскому Союзу».

Воины-армяне сражались повсюду, их можно было встретить на всех фронтах, во всех родах войск, в рядах участников всенародной борьбы, развернувшейся в тылу врага. Большое число воинов-армян и командиров сражались в составе армянских национальных соединений Красной Армии.

В 1941-42 г. было сформировано 6 армянских дивизий, в которые наряду с армянами входили представители других национальностей. Армянскими национальными соединениями являлись 76-я, 89-я, 390-я, 408-я и 409-я дивизии, частично 261-я. Первая из них, преобразованная в ходе войны в 51-ю гвардейскую дивизию, отличилась в Сталинградском и Курском сражениях, в боях за освобождение Прибалтики. Боевой путь 89-й дивизии пролегал от Северного Кавказа до Берлина. Дивизии было присвоено наименование Таманской –командующий Н.Г. Сафарян. В январе 1942 г. в Крыму сражалась 390-я дивизия – командующий С. Закиян.

С июля 1942 г. началась Битва за Кавказ 1942-43 гг., в ней участвовали 89-я, 408-я и 409-я дивизии. В освобожденной Праге завершила свой боевой путь 409-я дивизия.

Славные страницы в летопись подвигов советских воинов вписали армянские партизанские отряды (тысячи армян сражались в партизанских отрядах). На временно захваченной врагом территории действовали отдельные армянские партизанские отряды: в состав партизанского соединения С.А. Ковпака входил отряд армянских партизан «Победа», в кавказскую бригаду М.И. Наумова – отряд им. А.И. Микояна. Многие представители армян стали участниками Движения Сопротивления во Франции, Италии, Польше, Чехословакии, балканских странах. Общее число армян – участников Великой Отечественной войны составило более пятисот тысяч человек. Двести тысяч сынов армянского народа отдали свои жизни в священной борьбе за свободу и независимость Родины.

Славу армянского народа составляют выросшие в ходе войны более 60 генералов-армян, которые командовали крупными соединениями Красной Армии, вплоть до армий и фронтов. Командующим 1-м Прибалтийским фронтом являлся генерал армии, впоследствии – Маршал Советского Союза Иван (Ованес) Христофорович Баграмян. Адмирал флота Советского Союза Иван (Ованес) Степанович Исаков являлся заместителем главнокомандующего войсками Северо-западного направления, затем Северо-Кавказского фронта, заместителем наркома Военно-морского Флота СССР. За годы войны прошел путь от полковника до маршала авиации Сергей Александрович Худяков (Арменак Ханферянц), который являлся командующим 1-ой воздушной армией Западного фронта, командующим военно-воздушными силами того же фронта, начальником штаба Военно-воздушных Сил Красной Армии. Он принимал участие в Крымской конференции глав правительств СССР, США и Великобритании. Командир танкового корпуса Амазасп Хачатурович Бабаджанян после войны достиг звания Главного Маршала бронетанковых войск, стал начальником танковых войск Советской Армии.

В сражениях Великой Отечественной войны отличились генерал-лейтенант Сергей Теодоросович Галаджев, Степан Ильич Гиносян, Микаел Артемьевич Парсегов, Гайк Казарович Туманян, генерал-майор Баграт Исакович Арушанян, Амаяк Григорьевич Бабаян, Бениамин Ованесович Галстян, Исаак Гаспарович Гаспарян, Андраник Абрамович Казарян, Нвер Геворкович Сафарян, Саргис Согомонович Мартиросян, Асканаз Геворкович Карапетян, Гайк Ованесович Мартиросян и многие другие представители генералитета Красной Армии. Они командовали корпусами, дивизиями, занимали другие ответственные посты.

За мужество и отвагу, проявленные в боях, за умелое руководство воинскими частями 70 тысяч сынов и дочерей армянского народа были награждены орденами и медалями СССР. Особое место среди награжденных занимают воины, удостоенные высших воинских наград – звания Героя Советского Союза и награжденные всеми степенями ордена Славы. 103 человек удостоены звания Героя Советского Союза, из них: И.Х. Баграмян и Н.Г. Степанян удостоены этого звания дважды.

Во время и после Великой Отечественной войны, а также в советско-финской войне высшей награды – звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» – были удостоены 100 бойцов-армян, а также 8 человек других национальностей – уроженцев Армении. Полными кавалерами ордена Славы стали 27 воинов.

В указанном числе героев особо отмечены воины армянской диаспоры России – Герои Советского Союза – кубанцы: Казарьян Амаян Артемович, Мелетьян Арутюн Рубенович, Мелконян Андрей Халилович, Саркисов Федор Исаевич, Снаплиян Амаян Михайлович, Тамбиев Владимир Григорьевич, Шалжиян Михаил Михайлович, Языджян Давид Мисахович и другие.

Шалжиян Михаил Михайлович – участвовал в освобождении Львова, боролся с врагами на Сандомирском плацдарме; среди первых вошел в Варшаву, форсировал Одер. В боях за крупный немецкий город Оппель Михаил был ранен, попал в госпиталь, после чего снова вернулся в свою танковую армию. М.М. Шалжиян проделал тяжелый ратный путь по Германии – до стен Берлина. Указом Президиума Верховного Совета СССР ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Языджян Давид Мисахович участвовал в многочисленных сражениях, был назначен командиром танка. В апреле 1945 г. советская армия вышла к реке Одер. Языджян участвует в штурме Кюстрина: он искусно повел свой танк-тральщик, прокладывая дорогу пехоте [1, С.25]. В уличных боях советские солдаты, под прикрытием брони, захватили один квартал за другим. Подвиг кубанца был отмечен, Языджян Давид Мисахович стал Героем Советского Союза.

Серьезный вклад в дело освобождения страны внесли уроженцы Армавира: Бадалов Амбарцум Арсентьевич – участник Французского сопротивления, награжден французскими орденами «Крест войны», «Крестатак –44», «Мадам Волантер». В 1940 г. был призван в ряды Красной Армии, в 1942 г. стал командиром артиллерийско-минометного дивизиона, награжден орденом Боевого Красного Знамени;

Манукян Акоп Балабекович – герой Советского Союза. Выпускник Кубанской школы пилотов, летчик-истребитель, в 60 воздушных боях сбил 26 самолетов противника.

15 мая 1946 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза, кроме этого награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Александра Невского, Отечественной войны 1-й степени;

Тамбиев Владимир Григорьевич – разведчик, Герой Советского Союза. В 1943 г. при форсировании Днепра отличилось отделение Тамбиева, ими был очищен плацдарм для советских наступающих частей. В феврале 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР В.Г. Тамбиеву было присвоено звание Героя Советского Союза. Важно отметить, что количество героев Армавира периода Великой Отечественной войны не ограничивается представленным перечнем.

Советское правительство высоко оценило заслуги армянского народа в достижении победы над врагом. «В годы Отечественной войны армянский народ с честью выполнил свой долг перед Родиной, - говорилось в приветствии Центрального Комитета КПСС и Советского правительства в связи с 25-й годовщиной победы Советской власти в Армении. – Воины-армяне плечом к плечу с сынами других народов Советского Союза самоотверженно отстаивали свободу и независимость нашего Отечества...» [3, С. 76].

Список литературы

1. Великая Отечественная война 1941-1945. Энциклопедия. /Под ред. М.М. Козлова и др. – М., 1985.
2. История армянского народа с древнейших времен до наших дней. – Ереван, 1980.
3. Книга о героях. /Под ред. В.Н. Казахецяна и др. – Ереван, 1985.
4. Кубани славные сыны: Очерки о героях Советского Союза кубанцах ... - Краснодар, 1963
5. Мурадян В.А. Боевое братство. – М., 1978.
6. Малхасян А. Книга о мужестве. /Перевод с армянского. – Ереван, 1956.

СЕКЦИЯ №2.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.03)

СЕКЦИЯ №3.

АРХЕОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.06)

СЕКЦИЯ №4.

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.09)

**СЕКЦИЯ №5.
ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.10)**

**СЕКЦИЯ №6.
ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.15)**

ЭТНОГРАФИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.07)

**СЕКЦИЯ №7.
ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.07)**

САМОБЫТНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ПРАГИ

Соукупова Б.

доцент исторических наук

Карлов университет, Факультет гуманитарных наук, кафедра общественных наук,
г. Прага

Résumé: Лицо каждого современного столичного города определяется не только его историей и традициями, но и, прежде всего, его обособленностью по отношению к другим, отличающимся от него, иностранным городам.

Праге, столице Чешских земель, которая с 60-х лет XIX века бесспорно является чешским городом, в ходе современной истории необходимо было сохранить свою самобытность и обособленность от государств, на территории которых она находилась. Тем не менее, Прага до 1941 года являлась местом, где встречались, переплетались и сталкивались судьбы чешского большинства с судьбами немецкого и еврейского меньшинства. Такая трехмерность, характерная для целого ряда центрально-европейских городов, завершилась трагедией вывоза евреев во время Второй мировой войны а также изгнанием пражских немцев. Совершенно иной была ситуация в довоенное время: после коммунистического переворота в феврале 1948 года Прагу можно было назвать этнически гомогенным городом. Основной этнической группой, от которой чехи стремились отделиться, были чешские немцы. После того, как Прага стала советским городом, отсутствующего внутреннего национального недруга заменила структура вражеского империалистического лагеря. Третьим фундаментальным камнем пражской самобытности можно считать принадлежность к Европе, что, однако, вплоть до распада монархии

носило характер германизации, хотя зарождающаяся в конце шестидесятых лет 19-го века чешская зарубежная политика и была ориентирована на сотрудничество с Францией и Россией. Вплоть до трагического послевоенного раздела Европы на восточную и западную части старый свет был связан с прогрессивными ценностями и традициями.

The identity of modern Prague

Résumé: The identity of every modern national city originates not only from its history and traditions, but mainly from its definition from other, different, foreign identities.

Prague, the capital city of the Czech lands, an explicitly Czech city since the eighteen sixties, has been forced to define itself in recent history from the countries in whose territory it was located. However, until 1941, Prague simultaneously represented an area where the fates of the Czech majority and the Germany and Jewish structured minorities met, interconnected and collided. This trinity, typical for a number of Central European cities, ended in the tragedy of Jewish transports during the Second World War and the expulsion and resettlement of the Prague Germans. Contrary to the pre-war situation, Prague following the Communist putsch in February 1948 was a nearly homogenous city from the aspect of nationality, whereas the Czech Germans could be considered the most significant element from which Czechs defined themselves from the aspect of nationality. During the period of the sovietised city, the absent internal national enemy was replaced with a construct from the enemy imperialistic camp. Europeanism can be considered the third founding stone of the Prague identity, although this mainly took the form of Germany until the end of the monarchy, even though the new Czech foreign policy counted on partnerships with France and Russia since the end of the eighteen sixties. The Old Continent was linked to advanced values and traditions until the tragic post-War division of Europe into West and East.

Антропологи-урбанисты уверены, что история современных обществ – это история городов [9, С. 227]. Рассуждая о современном городе, нам приходится учитывать, что его образ постоянно меняется, вновь создается в каждое мгновение [1, С. 91]. Городской мир или, скорее, городские миры чувствительно реагируют на все политико-общественные изменения. Но современный образ города неразрывно связан с его историческим достоянием. Настоящее всегда нуждается в прошлом. Именно оно помогает выстраивать новое лицо города, помогает найти ему свое место в новой реальности, утвердиться в ней. И этот процесс невозможен без возникновения контрастов [6, С. 142-163] с другими городами. Причем такое отличие часто выражается в форме мифов. В нашем изложении мы будем основываться на теории британского антрополога Малиновского, в которой миф трактуется как некая общественная хартия [20], объясняющая и оправдывающая

исторические причинные связи с точки зрения группового (а в случае национальных метрополий) и национального интереса.

Тот факт, что идентичность городских миров выстраивается на основе противопоставления с другими, можно проиллюстрировать на примере Праги, столицы земель Чешской и Моравской короны в 1918–1939 гг., после эры протектората Богемии и Моравии в 1945–1992 гг., а также во времена Чехословацкой республики. Но Прага для чехов всегда значила больше, чем просто глава земель или государства. Уже во времена второго этапа чешского национального движения, в процессе формирования современной нации Йозеф Юнгманн – основоположник чешского литературного языка – включил Прагу в собственный культурный проект, ставший обязательным для каждого сознательного чеха. В 30-е и 40-е годы XIX века Прага стала центром чешской народной мифологии. Прежде всего, сам город был символом независимого прошлого «государства». С этого момента Прага метафорически персонифицировалась, представая в роли матери, матушки, королевы или вдовы умерших королей [18, С. 18]. Эти метафоры не были лишены смысла: в эпоху габсбургской монархии они создавали контраст с величественным и славным прошлым столицы чешского королевства и его печальным настоящим, когда Прага являлась лишь провинцией. Одновременно эти метафоры [38, С. 164-165] совмещали аллегория Праги с аллегорией отечества. В это же время мы сталкиваемся с идеей Праги как города мифической княгини Либуше, города ста башен, Праги – города множества храмов. В качестве символа города был избран Вышеград – колыбель чешского просвещения, река Влтава, которая соединяла провинциальные части страны со столицей [45, С. 28, 30, 31-33], Карлов мост и Белая гора – место битвы, символизирующая в чешском восприятии потерю государственной независимости и 300 лет «Тьмы» [30, С. 48-49, 53-54; 28, С. 30-31, 34]. [19, С. 157.] Идентичность Праги, так, как ее создавали чешские патриоты, в первую очередь, отражала ее прошлое, никак не соприкасаясь с реальным настоящим, в котором развивался новый город с немецким городским управлением и рождающейся новой чешской элитой.

В революционные сороковые [48, С. 47-48; 30, С. 43-44], а в особенности позже, в шестидесятые годы XIX века Прага стала меняться, превращаясь из символа прошлой чешской славы в символ народной жизнеспособности. Успех чешского национального движения достиг кульминации с победой чешского кандидата на пост в городском управлении [5, С. 12; 22, С. 148-149]. Образ возрождающейся Праги продолжал существовать и дальше, но новая идентичность города была спровоцирована разделением на несколько национальностей внутри одного пространства. Теми «другими» стали

пражские немцы и евреи, тяготеющие к немецкой культуре [4, С. 76-77; 8, С. 479]. В Праге стал выходить чешский ежедневник, были учреждены десятки чешских обществ, в 1868 году началось строительство Национального театра, атрибута воскресения народа [32, С. 7-8; 30, С. 45-48; 28, С. 31-33]. В 1880 году при переписи населения чешский язык, отождествляющийся с национальностью, был назван языком общения более 82 % жителей Праги [3, С. 30]. Развитию чешского самосознания помогла также индустриализация – люди, искавшие работу на фабриках, были выходцами из чешских районов Праги. Еще через два года был завершен процесс создания чешской национальной системы школ. Пражский университет был разделен на чешскую и немецкую части [7, С. 187-330]. Однако одновременно с этим происходит разграничение пражских общественных заведений (кафе, ресторанов, магазинов и даже мест для прогулок) [32, С. 8]. Тогда как немецкая и немецко-еврейская пражская элита вращалась на престижной улице На пршикопе, где находились банки и страховые компании (там же находились и немецкие учреждения), чешская Прага прогуливалась по бульвару Фердинанда (сегодня Народни), на котором доминантами были Национальный театр и чешское кафе «Славия», оформленное в ярко выраженном славянском стиле [46, С. 74-78; 12]. Для демонстрации чешского национального самосознания пражане использовали цветовую символику (красный и белый), флаги, а также растения (славянская липа) [38, С. 173]. Позже стали прибегать к элементам народной культуры (народные костюмы, празднование масленицы) [32, С. 15]. Также чехи организовывали различные общественные праздники, открывали памятники (первым стал памятник Юнгманну [10, С. 54-64], насаждали иконографическую символику (аллегорические скульптуры Чехии и Славии, Полонии и России, скульптуры выдающихся личностей чешской истории), тем самым условно отвоёвывая городское пространство. Большой интерес вызывала также традиция гуситов [26, С. 51-66], закрепившаяся в чешском обществе в 60-е годы [26, С. 59], а также традиция народного возрождения.

Несмотря на национальную поляризацию, чешский средний класс с уважением относился к немецкой культуре, особо отмечая творчество поэта Просвещения Й. В. Гете, который для официальных кругов монархии был крайне проблематической личностью [32, С. 14-15]. Национальные конфликты возникали в основном в студенческой среде, достигая апогея накануне разделения университета [32, С. 17-18]. Индифферентными с точки зрения национальной принадлежности оставались лишь городские учреждения, полностью зависящие от монархии: католическая церковь, знать, армия, государственные

чиновники [32, С. 11, 12-13]. В середине восьмидесятых пражский староста сформулировал антинемецкий миф о золотой славянской Праге [22, С. 158; 47, С. 163].

В 90-е годы XIX века чешское общество уже владело многими атрибутами современного гражданского общества. В Праге произошли географические изменения, город все более интенсивно сочетал прошлое с настоящим: объединение с чешскими пригородами и поселками [24, С. 135-203], исчезновение после реконструкции средневекового Еврейского города, одного из чудеснейших и древнейших европейских кварталов [27, С. 279-292], расширение границ и поглощение окрестностей по примеру остальных европейских городов. Современный урбанизм вносил изменения в план городской застройки, предлагая модель комфортного жилья для среднего класса, который отождествлялся с доходным домом, а также современным бульваром (как это произошло с Вацлавской площадью [44]). Низшие классы и небогатые люди среднего класса переселялись из центра Праги на быстро растущую периферию [22, С. 152]. Современный город нуждался в новых путях сообщения, качественной питьевой воде, канализации, электричестве, новых формах продаж (рынках), озеленении [27, С. 276; 17, С. 163-212].

Уже тогда жители Праги обеспокоились некоторым обезличиванием города, его анонимностью, равнодушием, единообразием, т. н. «американизацией». Тогдашние современники сравнивали столицу с мощной машиной. Они впервые пережили чувство одиночества в густо заселенном пространстве [27, С. 289-290].

Все эти усовершенствования проходили одновременно с продолжающимся национальным разделением Праги и с обостряющимся национальным конфликтом, возникшим между чешскими и немецкими выпускниками университета [31, С. 26-28; 27, С. 277-278]. Выросшая самоуверенность Праги стала проявляться в демонстративном неприятии Вены [47, С. 164]. Возникал новый пражский миф, в котором Вена представляла как мегаполис, выстроенный на чешские деньги, как приятное место для беспечной поверхностной жизни, но вместе с тем и как город, недружелюбный по отношению к чехам. Тогда как Прага воспринималась как матушка, Вене была предопределена роль мачехи [31, С. 20, 24, 26, 28]. Группа интеллектуалов, сосредоточившихся вокруг первого чехословацкого президента Масарика, использовала метафору распушенной Вены и Золушки–Праги. Они хотели видеть Прагу чешским политическим центром. Было распространено мнение, что Вена стала совсем чужой для чешского народа из-за ее централизованной политики [31, С. 49; к политике Вены 16, С. 124]. Прага

целенаправленно ориентировалась на Париж, Лондон и славянские метрополии [13, С. 110-135; 22, С. 197; 40, С. 68-70; 41].

Однако Прага периода Первой республики хотела войти в состав новой Европы как метрополия мирового уровня, которая одновременно является сердцем старого континента и выполняет роль своеобразного моста между Западом и Востоком. Но это, скорее, были всего лишь компенсационные мифы; по праву пользующимся самым большим уважением мировым городом номер один стал, несомненно, Париж [39, С. 18-19]. (Чехия продолжала главным образом ориентироваться на французское искусство [21, С. 254].) И с этим ничего не могла поделать даже средневековая история чешского государства, во главе которого когда-то стоял великий Карл IV, при котором возник миф о золотой Праге. И все же лозунг «Прага – город мирового значения» имел свой смысл: городское управление могло успешно требовать денег, необходимых для дальнейшей модернизации почти миллионной чешской метрополии [39, С. 19, к модернизации 42, С. 20-21, к большой Праге 11]. Витрина современной Праги, Вацлавская площадь, стала выполнять функцию народного центра (именно здесь праздновался день возникновения республики, тысячелетие св. Вацлава в 1929 году и т. д.) [44, С. 23-26]. Прага и дальше позиционировала себя чешским городом [39, С. 24-26], Матерью городов, городом славянским [29, С. 53] и европейским. Чешское правительство сознательно устанавливало контакты со столицами договорных держав [39, С. 19, 23]. Оно принимало и субсидировало русскую, украинскую и белорусскую белую эмиграцию [39, С. 23]. Современное чешское и чехословацкое самосознание Праги выстраивалось, прежде всего, на традиции гуситов [49, С. 29], Возрождения [29, С. 54] и образования государства. Сердцем государственных торжеств стали Пражский град – резиденция президента и Староместская площадь – место, где находилось городское управление [39, С. 26]. Пражские немцы же наоборот переживали кризис: после войны немецкие националисты даже рассматривали вариант перемещения пражского немецкого университета в Либерец, неофициальную столицу чешских немцев [29, С. 55]. В тридцатые годы, когда в квартале Бубенеч был создан немецкий островок, т. н. «Малый Берлин» [40, С. 68], город как магнитом начал притягивать богатых чешских немцев и немецких евреев. В это время волна беженцев из Германии и Австрии закрепила за этим городом звание столицы европейского значения. Позже здесь образовался один из важнейших центров антигитлеровской эмиграции [14; 2]. Прага была признана столицей государства, которое

обоснованно называло себя островом демократии. Вопреки активизации немецкого и чешского правого политического крыла чешско-немецкий культурный обмен достиг в 1933 и 1936 гг. своего пика именно в Праге [40, С. 73-77].

После мюнхенского соглашения в период т. н. «Второй республики» и во время протектората Богемии и Моравии Прага опять была вынуждена искать свою идентичность [35], и теперь уже при крайне неблагоприятной внешнеполитической ситуации [23]. Прага времен протектората должна была определиться, прежде всего, по отношению к Лондону, в котором нашло убежище покинувшее родину чехословацкое правительство [38, С. 52]. Лондон определили как вражеский сионистский город. Традиции гуситов и Первой республики приобрели в протекторате отрицательное значение. Этот односторонний взгляд исходил из обычной идеологии протектората: дескать, чешскому народу и Праге посчастливилось попасть под охрану немецкого рейха. Поэтому источником положительных ценностей и основ в поиске новой идентичности Праги стали исторические фигуры св. Вацлава и Карла IV. [33, С. 382-384]. Первая толковалась как признание превосходства немецкого народа и немецкой Европы, князь Вацлав якобы пожертвовал своей жизнью во имя преданного союза чехов с немцами. Карл IV упоминался как правитель немецкого народа Священной римской империи, в состав которой входила и Прага. Памятные места времен Первой республики сохранились и в период протектората, став однако местами, где жители Праги демонстративно проявляли лояльность к правительству коллаборационистов и к третьему рейху. Архитектурная уникальность Праги подчеркивалась в контексте построек в стиле барокко, связанных с эпохой правления Габсбургов. Немцы пока толерантно воспринимали культурное (не политическое) чешское народное возрождение, чего нельзя было сказать о чешском и пражском славянстве. Однако идентичность Праги можно было интерпретировать и как результат модернизации, хотя на нее не хватало финансовых средств.

В конце второй мировой войны Прага была в числе всего нескольких городов Центральной Европы, которые практически не были разрушены [42, С. 23]. С приходом Красной армии новая идентичность города опять начала основываться на традиции гуситов [42, С. 24]. В послевоенное время возрос и укрепился культ Яна Гуса, который лег в основу Возрождения, а теперь уже и национального сопротивления [42, С. 24]. Традиция протектората и чешско-немецкого сотрудничества была полностью отвергнута, все центры немецкой культуры были уничтожены [17, С. 380-381]. Возродился миф славянского города: братская русская армия спасла славянскую Мекку. В 1945 году глава

города назвал Прагу предместьем Москвы – матери всех славянских городов [37, С. 37; 33, С. 387-388]. Уже в 1947 году в чешской столице появилась Московская улица [37, С. 387]. Послевоенная Прага продолжала видеть себя в качестве моста между европейским Востоком и Западом [37, С. 38].

После февральского коммунистического переворота (1948) традиция гуситов соединилась с традицией рабочего движения [15, С. 172]. Теперь уже Прага представляла себя не посредником между Западом и Востоком, а просто славянским городом [37, С. 38-39]. Центральная Европа перестала существовать, и быстро советизируемый город особо подчеркивал свою связь с другом на вечные времена – Советским Союзом [43, С. 39; 37, 39]. Сохранился только один миф – миф Матушки Праги. В первые годы после освобождения коммунистическая пропаганда отравила самые заветные места Праги, включая Вацлавскую площадь [43, С. 42-43], на которой проходила панихида по Сталину (1953). Но очень скоро режиму, больному гигантоманией, и этого стало мало. Прага должна была получить новый идейный центр, напротив нового памятника Сталину (1955) в районе Летна [10, С. 205; 43, С. 45]. Параллельно шло строительство новых социалистических площадей, в первую очередь именно в Летна [43, С. 45-46; 34, С. 276].

Коммунистическое городское управление хотело сделать из Праги образцово-показательный социалистический город, гордость и сердце республики, город с богатой памятью [37, С. 38]. Этой идее соответствовал и внешний вид новой Праги: пятиугольные звезды, красные флаги, улицы, переименованные в честь важных коммунистических деятелей и представителей пролетарского движения [34, С. 268-270]. Памятники Т. Г. Масарику, который был объявлен буржуазным президентом, были устранены [43, С. 40-41; 10, С. 201-202]. Пражская архитектура раболепно копировала советские образцы т. н. сталинского ампира. Новыми доминантами Праги стал отель «Интернациональ» [25, С. 394; 34, С. 279-281] и в 1955–1962 гг. памятник Сталину, согласно официальной пропаганде являющийся доказательством искренней благодарности, который в народе называли «очередью за мясом». Символические перемены в городе фиксировали и три новых музея: им. Ленина, Музей начала пролетарского движения и музей Готвальда [36, С. 47-50; 34, С. 281-283]. Вацлавской площади, на которой находилось множество магазинов, была отведена роль витрины социалистической роскоши [34, С. 283-284; 44, С. 36-42]. Народные протесты после августовской советской оккупации в 1968 на «Вацлаваке» стали для режима весьма неприятным сюрпризом.

Но декларируемая и реальная идентичность города не сходилась и с другой точки зрения. После войны из Матушки Праги были выселены немцы, в начале 50-х – политически ненадежные семьи, буржуазные элементы [22, С. 275; 37, С. 39]. Выжившие евреи в этот период столкнулись с антисемитизмом на государственном уровне. Во всех учреждениях прошли политические чистки. В действительности Прага больше всего соответствовала другой характеристике – «самая высокая сторожевая башня нового социалистического порядка» [43, С. 39].

Не удавалось также увязать старинный характер Праги с потребностями ее модернизации: пражская промышленность отставала [22, С. 197], центр города дряхлел, новый режим направил все силы на строительство и перестройку жилья на периферии, город отставал со снабжением, ситуация с общественным транспортом была катастрофической, город переполняли автомобили, метро, построенное в 70-ые, технически устарело. Прага, пронзенная автомагистралью, превратилась в перекресток [42, С. 29], полностью потеряв свой человеческий размер [42, С. 25-26]. Совершенно не хватало государственной заботы о достопримечательностях, несмотря на то, что в начале 70-х исторический центр города был объявлен государственным архитектурным заповедником [42, С. 27-29]. Власти тщетно боролись с квартирным кризисом, который лишь частично разрешился благодаря новому символу социалистического города – бескрайним районам со слабой инфраструктурой, во втором поколении выстраиваемым из бетонных панелей. Нулевая внешняя индивидуализация полностью соответствовала нулевой гражданской активности [34, С. 286-289].

Заключение. Создавая свою идентичность, Прага постоянно сталкивалась с государственными и политическими потрясениями. Ее декларируемый внешний вид всегда реагировал на политические и общественные изменения. При благоприятной политической обстановке Прага могла подчеркнуть в качестве интегрального элемента идентичности свое европейское самосознание, а при неблагоприятных исторических условиях, так же как при тоталитарных режимах, она однозначно определяла конкретного врага: Вену, демократию Первой республики, немцев, капиталистический режим. Эти образы, стереотипы и мифы представляли собой немалый социальный капитал, которым пользовались политики всех режимов.

Список литературы

1. Augé M. *Antropologie současných světů*. - Brno: Atlantis, 1999.

2. Becher P., Heumos P. Drehscheibe Prag. Zur deutschen Emigration in der Tschechoslowakei 1933–1939. - München: Oldenbourg, 1992.
3. Boháč A. Hlavní město Praha. Studie o obyvatelstvu. - Praha: Státní úřad statistický, 1923.
4. Cohen G. B. Němci v Praze 1861–1914. - Praha: Univerzita Karlova v Praze, Nakladatelství Karolinum, 2000.
5. Dějiny obecní správy král. hlav. města Prahy za léta 1860–1880. Díl první. Léta 1860–1870. Prvý svazek. - Praha: Obec královského hlavního města Prahy prací městského archivu, 1903.
6. Eriksen T. H. Antropologie multikulturních společností. Rozumět identitě. - Praha, Kroměříž: Triton, 2007.
7. Havránek J. (ed.). Dějiny Univerzity Karlovy III. 1802–1918. - Praha: Univerzita Karlova v Praze, 1997.
8. Havránek J. Sociální struktura pražských Němců a Čechů, křesťanů a židů ve světle statistik z let 1890–1930. - Český časopis historický. - 1995. - V. 93. - No. 3.
9. Heidemann F. Ethnologie. Eine Einführung. - Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2001.
10. Hojda Z., Pokorný J. Pomníky a zapomínky. 2. vydání. - Praha, Litomyšl: Paseka, 1997.
11. Holec F. Zápas o velkou Prahu. - Pražský sborník historický 1969 – 70. - Praha: Orbis 1970. - P. 117–136.
12. Holub K. (ed.). Velká kavárna Slavia. - Praha: Jan Hovorka, 1998.
13. Horská P. Praha – Paříž. K zahraničně politické orientaci pražské městské rady na přelomu 19. a 20. století. - Pražský sborník historický. - 1987. - V. XX. - Praha: Panorama. - P. 97–137.
14. Hyršlová K. Česká inteligence a protifašistická fronta (K bojům a svazkům třicátých let). - Praha: Melantrich, 1985.
15. Kohout J., Vančura J. Praha 19. a 20. století. - Praha: SNTL, 1986.
16. Kořalka J. Češi v habsburské říši a v Evropě 1815–1914. Sociálněhistorické souvislosti vytváření novodobého národa a národnostní otázky v českých zemích. - Praha: Argo, 1996.
17. Láník J., Vlk J. (red.). Dějiny Prahy II. Od sloučení pražských měst v roce 1784 do současnosti. - Praha, Litomyšl: Paseka, 1998.
18. Macura V. Znamení rodu /České obrození jako kulturní typ/. - Jinočany: H & H., 1995.
19. Macura V. Obraz Prahy v české obrozenecké kultuře. In: Město v české kultuře 19. století. Studie a materiály I. - Praha: Národní galerie, 1983. - P. 154–167.

20. Malinowski B. *The Foundations of Faith and Morals*. - London: Oxford University Press, 1936.
21. Michel B. *Praha město evropské avantgardy 1895–1928*. - Praha: Argo, 2010.
22. Míka Z. (ed.). *Dějiny Prahy v datech*. Vydání druhé, doplněné a upravené. - Praha: Mladá fronta, 1999.
23. Pasák T. *Český fašismus 1922–1945 a kolaborace 1939–1945*. - Praha: Práh, 1999.
24. Pešek J. *Od aglomerace k velkoměstu. Praha a středoevropské metropole 1850–1920*. *Documenta Pragensia, Monographia*. 1999. - V. 9. - Praha: Scriptorium.
25. Poche E. *Prahou krok za krokem*. - Praha: Panorama, 1985.
26. Rak J. *Bývali Čechové*. - Praha: H&H, 1994.
27. Soukupová B. *Asanace a Velká Praha – symboly modernizace Prahy v posledním desetiletí 19. a v prvním desetiletí 20. století*. In: Kladiwa P., Zářický A. (eds.). *Město a městská společnost v procesu modernizace 1740–1918*. - Ostrava: Ostravská univerzita v Ostravě, 2009. - P. 275–292.
28. Soukupová B. *Czech Natinal Identity and Prague. Sacral and Profane Places in the Metropolis*. *Journal of Urban Ethnology*. 2005. - V. 7. - P. 25–43.
29. Soukupová B. *Česká a německá společnost středních vrstev v Praze v realitě unitárního Československa 1918–1929. Několik poznámek k tématu konfrontace ideálu demokracie s nacionalismem. Lidé města 5. Společnost – postoj – konflikt*. - Praha: Institut základů vzdělanosti Univerzity Karlovy, 1994. - P. 47–79.
30. Soukupová B. *Česká národní identita a Praha. Sakrální a profánní místa ve velkoměstě*. In: *Sfera sacrum i profanum w kulturze współczesnych miast Europy środkowej*. Pod redakcją naukową Adama Koseskiego i Andrzeja Stawarza. - Warszawa, Pułtusk: Polskie Towarzystwo Etnologii Miasta, 2004. - P. 41–56.
31. Soukupová B. *Česká společnost před sto lety. Identita, stereotyp, mýtus*. - Praha: Sofis, 2000.
32. Soukupová B. *České a německé spolky v Praze v 60. až 80. letech 19. století. Soužití a kulturní výměna*. In: *Lidé města 1. Pražané jiní – druzí – cizí*. - Praha: Ústav pro etnografii a folkloristiku ČSAV, 1992. - P. 7-28.
33. Soukupová B. *Deklarovaná „oficiální“ identita poválečné Prahy v čase přechodu od demokracie k totalitě*. In: Fejtová O., Ledvinka V., Pešek J. (eds.). *Evropská velkoměsta mezi koncem války světové a války studené (1945–1989)*. *Documenta Pragensia*. 2011. - Vol. XXX. - Praha: Scriptorium, 2011. - P. 375–400.

34. Soukupová B. Father Frost Welcomes You ort he Myth of New Prague as a Beautiful City in a Socialist Way. Urban people. - 2009. - V. 11. - No. 2. - P. 263–290.
35. Soukupová B. Mýty Prahy v krátkém období druhé republiky: Hledání cest k nové identitě české metropole. In: Soukupová B., Hroch M., Salner P., Pauknerová K. Cesty urbánní antropologie. Tradice – nové směry – identita. Urbánní studie, sv. 4. - Praha: Fakulta humanitních studií Univerzity Karlovy v Praze, 2013. - P. 25–71.
36. Soukupová B. Paměť sovětizovaného města (příklad Prahy). In: Soukupová B., Novotná H., Jurková Z., Stawarz A. (eds.). Evropské město. Identita, symbol, mýtus. - Bratislava: Zing print, 2010. - P. 36–53.
37. Soukupová B. Praha – český obraz (autostereotyp) a mýtus evropské metropole. K podobě a funkci mentálních obrazů. In Miasto w obrazie, legendzie, opowieści... Pod redakcja naukowa Róży Goduli Węclawowicz. - Wrocław, Kraków: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, Uniwersytet Wrocławski, 2008. - P. 29–40.
38. Soukupová B. Praha – mýtus českého a slovanského města: Mobilizace národní identity nebo protiněmecký konstrukt? In: Bittnerová D., Moravcová M. (eds.). Etnické komunity. Vyjednávání pozice v majoritě. - Praha: FHS UK, 2012. - P. 163–186.
39. Soukupová B. Praha – tradiční česká a nová státní metropole: Mýtus a identita. K roli mýtů jako součásti ideologie nového češství a českoslovenství. In: Soukupová B., Hroch M., Scheu H. Ch., Jurková Z. (eds.). Mýtus – „realita“ – identita. Státní a národní metropole po první světové válce. Urbánní studie, sv. 3. - Praha: Fakulta humanitních studií Univerzity Karlovy v Praze, 2012. - P. 9–31.
40. Soukupová B. Pražská společnost středních vrstev v letech 1930–1938. K perspektivám mezietnického soužití na území jednoho státu. In: Lidé města 6. Město a jeho kultura. - Praha: Institut základů vzdělanosti Univerzity Karlovy, Nadace Ethnos, 1994-1996. - P. 66–92.
41. Soukupová B. Reprezentanti slovanského jihu hosty na Jubilejní výstavě /r. 1891/ a Národopisné výstavě československé /r. 1885/ v Praze. K otázce konstruování a funkce obrazu „bratrských“ etnik. Lidé města 9. Mezetnické dialogy. - Praha: Institut základů vzdělanosti, Nadace Ethnos, 2006. - P. 67–82.
42. Soukupová B. Klub za starou Prahu, památky a paměť. Reflexe starobylosti a krásy města v české společnosti koncem 19. a ve 20. století. In: Soukupová B., Novotná H., Jurková Z., Stawarz A. (eds.). Město – identita – paměť. - Bratislava: Zing print 2007. - P. 14–32.

43. Soukupová B. Tvář města od konce druhé světové války do současnosti. Na příkladu židovské Prahy. In: Tożsamość społeczno-kulturowa miasta postindustrialnego w Europie środkowej. Pod redakcją Bogdana Klocha i Andrzeje Stawarza. - Rybnik, Warszawa: Muzeum w Rybniku, Polskie Towarzystwo Etnologii Miasta, Stowarzyszenie inżynierów i techników górnictwa, 2005. - P. 43–53.
44. Soukupová B. Václavské náměstí – proměny pražského korza v moderní době. In: Ferenčuhová S., Galčanová L., Vacková B. (eds.). Československé město včera a dnes: Každodennost – reprezentace – výzkum. - Červený Kostelec, Brno: Pavel Mervart, Masarykova univerzita, 2010. - P. 11–47.
45. Soukupová B. Vltava a Praha: partnerství a rivalita. Vltava jako symbol češství a českoslovenství. In: Miasto po obu brzegach rzeki – różne oblicza kultury. Pod redakcją naukou Andrzeje Stawarza. - Warszawa: Polskie Towarzystwo Etnologii Miasta, Muzeum Historyczne m.st. Warszawy, Muzeum Niepodległości w Warszawie, 2007. - P. 23–46.
46. Soukupová B., Novotná H. Kavárna, kavárníci a kavárenští hosté. Několik poznámek k fenoménu pražských kaváren. Journal of Urban Ethnology. - 2006. - V. 8. - P. 73–90.
47. Svatošová H. Od napodobování k soupeření. Praha a Vídeň v letech 1861–1918 z pohledu pražské samosprávy. In: Fasora L., Hanuš J., Malíř J. (eds.). Brno Vídni, Vídeň Brnu. Zemské metropole a centrum říše v 19. století. - Brno: Matice moravská pro Výzkumné středisko pro dějiny střední Evropy: prameny, země, kultura, 2008. - P. 157–171.
48. Urban O. Česká společnost 1848–1918. - Praha: Svoboda, 1982.
49. Vojtíšek V. Mluva dějin. In: Vojtíšek V. (red.). Praha v obnoveném státě československém. - Praha: Rada hlavního města, 1936. - P. 24-37.

** Публикация подготовлена при поддержке Grant GA CR P 410/12/2390 Myth and „reality“ of Central-European metropolises during the formation of (trans)national identities. Prague, Bratislava, Warsaw, Cracow, Vienna.*

ПОЛИТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.00)

СЕКЦИЯ №8.

ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.01)

**СЕКЦИЯ №9.
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.02)**

**СЕКЦИЯ №10.
ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.03)**

**СЕКЦИЯ №11.
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ,
ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.04)**

**СЕКЦИЯ №12.
ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.05)**

**СЕКЦИЯ №13.
КОНФЛИКТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.06)**

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.00)

**СЕКЦИЯ №14.
ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИИ
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.01)**

**СЕКЦИЯ №15.
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.03)**

**СЕКЦИЯ №16.
СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.04)**

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ИМИДЖА: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ КОНТЕКСТ

Ахбулова А.Г., Чернышкова Е.В., Юрова И.Ю., Самарина Т.А.

Саратовский государственный медицинский университет
им. В.И. Разумовского, г. Саратов

Термин «имидж» прочно закрепился в современном понятийном аппарате различных отраслей науки. Плодотворные исследования имиджа осуществляются в рамках филологических, психологических и социологических наук, однако существующая взаимосвязь между имиджем и социолингвистическими явлениями, такими как образ, символ, стереотип актуализируют необходимость комплексного исследования данного феномена с учетом междисциплинарного контекста.

Внеконтекстуально имидж в переводе с английского – образ, изображение. Расширяя эти значения, В. Шепель трактует его как непосредственно или преднамеренно создаваемое визуальное впечатление о личности или социальной культуре [18]. Ряд исследователей понимает под имиджем некий синтетический образ, формирующийся в сознании людей в отношении конкретного человека, организации, социального явления. Этот образ содержит в себе значительный объем эмоционально окрашенной информации об объекте восприятия и побуждает к определенному социальному поведению [7, 9].

Наиболее общая типология имиджа включает корпоративный и индивидуальный типы. К первому могут относиться имидж компании, учреждения, политической партии, общественной организации и т.д., ко второму – медийные персоны, руководители, лидеры общественного движения и др. При этом, содержание и механизмы формирования этих имиджей различны, но взаимосвязаны [18].

Среди основных подходов к классификации имиджа выделяют следующие: функциональный, контекстный, сопоставительный. Исследуя типы имиджа с использованием функционального подхода, Ф. Джефкинс, Д. Ядин выделяют следующие его подтипы: зеркальный (имидж, свойственный нашему представлению о себе), текущий (имидж, характерный для взгляда со стороны), желаемый (имидж, отражающий то, к чему стремится человек) [4]. При контекстном подходе для имиджа характерны целостность и согласованность с учетом условий реализации и отсутствием противоречий между его отдельными чертами. Системный характер имиджа позволяет по одной видимой черте вызывать в массовом сознании сопутствующие характеристики. Такая типология отражает взгляд на имидж с разных позиций: со стороны своего «Я» и со стороны других людей, со

стороны реалий и со стороны желаний. Анализируя личностный имидж в зависимости от сочетания внешних и внутренних факторов, Э. Сэмпсон дифференцирует самоимидж, воспринимаемый имидж и требуемый имидж. Самоимидж формируется из прошлого опыта и отражает нынешнее состояние самоуважения, доверия к себе. Воспринимаемый имидж – восприятие нас другими. Требуемый имидж означает, что ряд профессий или социальных ролей требует определённых имиджевых характеристик [14].

Существует точка зрения, что в качестве самостоятельного имиджа выдвигается также его харизматический тип. Понятие харизмы, харизматического руководителя ввёл в научный оборот классик социологии М. Вебер [2]. Как указывает Л. Снежницкий, для многих советских руководителей характерен закрытый имидж, каждый мог вписать в этот имидж те черты, которые сам считал для себя более убедительными [12].

Социальный контекст зачастую детерминирует формирование того или иного типа имиджа. Так, М. Спиллейн выделяет имидж в политике (и политиков), имидж бизнеса, имидж масс-медиа (имидж поп-звезд), имидж организации, имидж государства [13]. Эмпирически доказано, что имиджи различаются по содержанию и механизмам их формирования, а также формам проявления [5, 8, 15, 17].

Заслуживает внимания отношение к имиджу как к многофакторному феномену, при этом человека можно представить как сумму его социальных характеристик: место рождения; принадлежность к определенному классу; образование; достаток, а также прошлое, семья, хобби и пр. Важным моментом в конструировании имиджа является формирование его в соответствии с требованиями массовой коммуникации и с тем, что окружающие считают важным (например, авторитет, профессионализм) [6].

Ряд исследователей рассматривает имидж как форму самопрезентации, под которой понимается поведенческая реализация стремления к власти в межличностных отношениях [20, 21, 22]. С позиций Г. Паничкиной, самопрезентация представляет собой процесс, посредством которого человек старается сформировать у других людей впечатления о самом себе. Автор акцентирует внимание на том факте, что успех самопрезентации зависит от умения представить себя другим людям, умения подать себя, привлечь к себе внимание, актуализировать интерес людей к своим качествам. Наиболее часто самопрезентация определяется как формирование участником коммуникации собственного положительного образа у реципиента посредством не только инициирования действий с одной стороны, но и за счет варьирования его поведения в соответствии с реакцией на него со стороны окружающих [10].

Междисциплинарный контекст исследований имиджа как многофакторного феномена затрагивает психологические, лингвистические и социологические концепции

(формирование образа «Я», поддержание самооценки, «социального лица», вежливости, критический анализ дискурса, гендерная теория). Подчеркнем, что многие ученые сходятся во мнении о необходимости разграничения исследований конструирования имиджа и конструирования идентичности [1, 3, 9, 11, 16, 19], представляющих собой как пересекающиеся, так и отдельные исследовательские траектории.

Список литературы

1. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987. С.88-125.
2. Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994.
3. Гоффман Э. Становление себя. М., 2003. 233 с.
4. Джефкинс Ф., Ядин Д. Паблик рилейшнз / Пер. с англ. Б.Л. Еремина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003.
5. Дорогойкин Д.Л., Кочеткова Т.В., Чернышкова Е.В. Хорошая речь врача как залог успешного профессионального сотрудничества // Достижения и перспективы медицины: Сборник статей международной научно-практической конференции. Научный центр «Аэтерна». 2014. С. 10-14.
6. Жмыриков А.Н. Как победить на выборах: Психотехника эффективного проведения избирательной кампании. Обнинск, 1995.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 264 с.
8. Киреева С.А., Андриянова Е.А., Чернышкова Е.В. Проблемы пожилого человека в современном социологическом дискурсе. Саратов, 2015.
9. Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Пракси, 2005 . 256 с.
10. Паничкина Г.Г. Основы имиджелогии: самопрезентация и компетентность. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dv-reclama.ru/others/articles/image/9517/osnovy_imidzhelogii/ (дата обращения 25.09.16).
11. Почепцов Г.Г. Имиджелогия. К.: АДЕФ-Украина, 1998.
12. Снежницкий Л.Д. На репетициях у мастеров культуры. М., 1972. 203 с.
13. Спиллейн М. Создайте свой имидж. М., 1996. С.147-155.
14. Сэмпсон Э. Управление имиджем или как создать свой стиль. М., 1989. 158 с.
15. Чернышков Д.В., Фадеев Д.А. Социокультурные факторы здорового образа жизни в представлениях молодежи // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2015. Т. 5. № 12. С. 1528.

16. Чернышкова Е.В. Медико-социальные механизмы пролонгирования активного образа жизни в пожилом возрасте: Дисс.... д-ра социол. наук. Волгоград, 2013. 448 с.
17. Чернышкова Е.В. Визуальный образ старости в контексте современной жизни // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 9. С. 288-293.
18. Шепель В.М. Имиджеология. Как нравиться людям. М.: 2002. 500с.
19. Ярская-Смирнова Е.Р. Социальная политика и гендер в риторике предвыборной борьбы // Социологические исследования. 2002. №11. С.55-61.
20. Chernyshkova E.V., Chizhova M.E., Paraschenko-Korneychuk L.N., Andriyanov S.V. Social attitudes toward active aging: representations of the elderly // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2016. № 3-4. С. 87-89.
21. Chernyshkova E.V., Rodionova T.V., Mukhina M.Yu., Veretelnikova Yu.Ya., Chernyshkov D.V. Elderly age: healthy life style and life activity prolongation // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2015. № 3-4. С. 118-120.
22. Jones I., Pittmann T. Toward a general theory of strategic self-presentation // Psychological perspectives on the self / J. Suls (Ed.). Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1982. Vol. 1. P. 231-262.

СЕКЦИЯ №17.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.05)

СЕКЦИЯ №18.

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.06)

СЕКЦИЯ №19.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.08)

ДИНАМИКА УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ПРОЦЕССОМ ОБУЧЕНИЯ В ТЕЧЕНИЕ ПЕРВОГО ГОДА ОБУЧЕНИЯ

Орлова Н.А.

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники
(ТУСУР), г. Томск

В рамках работы с первокурсниками в Томском университете систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР) было проведено панельное исследование студентов первого года обучения.

С помощью генератора случайных чисел было отобрано 20 студенческих групп, и в них проведен опрос осенью 2015 года, в начале обучения. Весной, в конце второго семестра был проведен повторный опрос в тех же группах. Всего в первом исследовании приняло участие 307 человек, во втором 312 человек. Сравнение должно было показать динамику отношения к учебе.

Наиболее показательным для нас фактом стало то, что никакой динамики выявлено не было: результаты первого и второго исследования практически идентичны на большинстве факультетов. Это опровергает распространенное мнение, что студенты в течение первого года обучения существенно изменяют свою точку зрения по поводу выбранной специальности. Есть ряд исключений, о них мы напишем ниже.

Анализ данных показал, что большая часть студентов планирует после окончания вуза, работать по специальности, причем, особых различий по данному вопросу, между результатами первого и второго исследования, замечено не было, как и гендерных или иных корреляций при ответах на данный вопрос выявлено не было. Согласно полученным данным, юноши и девушки в равной степени имеют в планах работать по специальности.

Значимость факторов, повлиявших на выбор вуза и специальности, распределилась следующим образом: на первом месте у студентов «Интерес к специальности» (57,69%), вторым по популярности был вариант «Подходящие баллы за ЕГЭ/Экзамен» (42,31%), на третьем месте - «Наличие бюджетного места» (33,97%). Меньше всего, при выборе вуза и специальности, студентов беспокоит стипендия (4,17%), научная деятельность (5,45%) и наличие общежития (всего 8,97% респондентов отметили этот вариант).

Наибольшее влияние на выбор студента оказывает семья (50,5%), на втором месте стоит вариант «другое» - 19,2% (в основном, респонденты писали в данном варианте «самостоятельное принятие решения» и незначительный процент «так получилось») и третьим по частоте выбора стал ответ «друзья» (16%).

Для большинства студентов очень важна востребованность их специальности. Есть некоторые гендерные отличия: для девушек очень важна востребованность их специальности («Скорее, важно» отметили 38,8%, вариант «Очень важно» выбрали 57,3% студенток. Вариант ответа «Абсолютно неважно» не выбирался вовсе - 0%). В тоже время, среди юношей достаточно высок процент безразличных к актуальности выбранной специальности на рынке труда («Абсолютно неважно» - 4,4%, «Скорее, неважно» выбрали 13,4% студентов). Соотношение ответа «Очень важно» по данному вопросу также показало, что среди девушек процент заинтересованных в положительном исходе и дальнейшем трудоустройстве по специальности выше, чем среди юношей (46,6% и 57,3% соответственно).

Что касается важности внеучебной работы в ВУЗе, то особых отличий по полу выявлено не было.

Актуальность преподаваемых дисциплин, в основном, важна для студентов всех факультетов, однако, на РТФ и ФВС есть незначительный процент тех, для кого она не имеет значения (2%), причем из этого числа 11,6% юноши, тогда как у девушек он составляет всего 3,9%. В то же время, степень удовлетворенности актуальностью преподаваемых дисциплин по результатам первого исследования, несколько изменилась во втором, так среди студентов РТФ, ФВС, РКФ и ФБ несколько возрос процент недовольных, что продемонстрировано на диаграмме 1.

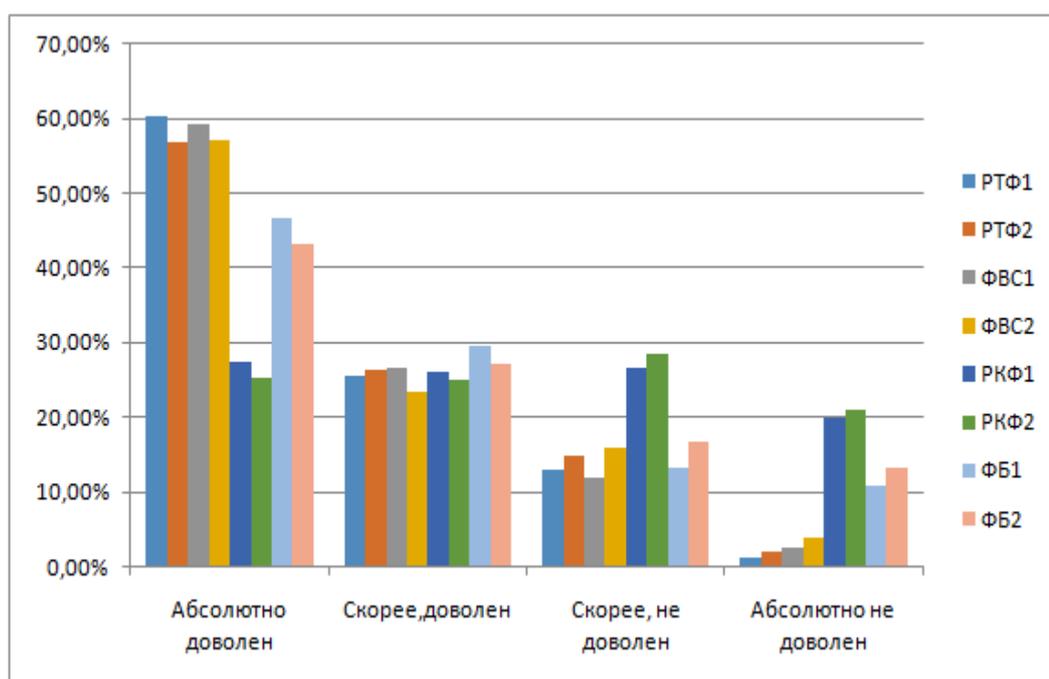

Диаграмма 1 – «Степень удовлетворенности актуальностью преподаваемых дисциплин»

Как видно из диаграммы, на данных факультетах увеличилось число студентов, выбравших, во время проведения второго исследования, ответы «Скорее, не доволен» и «Абсолютно не доволен».

Девушки в большей мере склонны положительно оценивать процесс обучения, в то время как среди юношей степень удовлетворенности процессом обучения ниже.

Интересным, процесс обучения, считает большинство студентов, однако, на всех факультетах, кроме Гуманитарного, встречаются отрицательные ответы, в то время как гуманитарии единогласно выбрали ответ «интересно».

Что касается взаимоотношений в учебной группе, то результаты исследования показали низкий процент недовольных коммуникациями с одногруппниками на всех

факультетах. Сравнение двух исследований не выявили значительных изменений по данному вопросу. Гендерных различий также не наблюдается.

Хорошие взаимоотношения с администрацией вуза, несомненно важны для каждого студента, поэтому, проанализировав данные, можно сказать, что на всех факультетах имеется низкий процент недовольных, в большинстве своем это юноши. В то же время, следует отметить, что на ГФ, ЭФ и ФБ, студенты полностью довольны взаимоотношениями с администрацией вуза (варианты ответа «Скорее, не доволен», «Абсолютно не доволен» отсутствовали). Отношения с преподавателями у студентов складываются хорошо, есть допустимый процент тех, кто выбирал ответы «Скорее, не доволен», «Абсолютно не доволен» (14%), но также как и в предыдущем вопросе, на ГФ, ЭФ и ФБ, количество данных ответов минимально. Гендерных различий не наблюдается. Сравнение данных первого и второго исследования изменений не выявило.

Таким образом, исследование показало следующее:

1. Большинство студентов ТУСУР положительно оценивают различные аспекты учебы в вузе и планируют в будущем работать по специальности. Им интересен процесс обучения, несмотря на то, что учеба дается не всегда легко. Большая часть студентов 1 курса обучения набора 2015 года имеет в планах в дальнейшем работать по специальности, их устраивает то, что предлагает университет: всевозможные клубы по интересам, научно-исследовательская деятельность, внутри- и межвузовские мероприятия, тьюторская поддержка, взаимоотношения с преподавателями, сам процесс обучения и т.д. Стоит отметить позитивный настрой студентов гуманитарной направленности (ГФ, ЭФ, ЮФ): на этих факультетах студенты более склонны к положительной оценке внутренних и внешних факторов различных сторон учебной жизни, особенно, ГФ. В то же время, на ГФ велик процент тех, кто в будущем не желает работать по специальности (более 60%).

2. Основными факторами выбора университета и специальности студенты назвали интерес к специальности, подходящие баллы по ЕГЭ (экзаменационные баллы) и наличие друзей в вузе, что говорит о хорошей репутации ТУСУР в народной среде. Что касается человеческого влияния на выбор, то по-прежнему, мнение семьи в авторитете и часто становится решающим, а следующим по популярности шел ответ "самостоятельное решение". В этом вопросе были некоторые отличия по полу, а именно, на юношей немалое влияние при выборе вуза и специальности оказали школьные учителя, в то время как на девушек - сотрудники вуза.

3. Вопреки существующим стереотипам о сложности технического образования для женщин, процент тех, кто считает учебу легкой, выше среди девушек. Несмотря на

большое количество мотивированных студентов, есть стабильный, хоть и невысокий, процент равнодушных ко всему студентов (около 10%, из них 80% - юноши), Студенты описывают учебу как сложную, но интересную и признают актуальность и пользу преподаваемых дисциплин. Если говорить о гендерных отличиях, то по результатам исследований, среди тех студентов, которые равнодушны к процессу учебы и дальнейшему трудоустройству, процент юношей выше: 15% юношей выбрали ответ "Абсолютно неважно" при ответе на разные вопросы анкеты, в то время как среди девушек этот показатель не поднимался выше 5%.

4. Отсутствие динамики между двумя исследованиями показывает, что дело не в том, что некоторые студенты разочаровываются в специальности, а в том, что мотивация учиться изначально отсутствовала – им было неинтересно изначально, и также им неинтересно сейчас. Среди этих студентов преобладают лица мужского пола. Что в свою очередь также противоречит стереотипу, существующему в нашем университете, что среди девушек процент «случайных людей» на технических специальностях выше.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.00)

СЕКЦИЯ №20.

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.01)

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В СТАНОВЛЕНИИ БЫТИЯ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Пузикова В.С.

Бузулукский гуманитарно–технологический институт (филиал) Оренбургского
государственного университета, г. Бузулук

Формирование новой информационной культуры личности и общества, адекватной условиям и требованиям информационного общества, является одной из актуальных и глобальных проблем современности. Эта культура предполагает не только более высокую степень компетентности человека в использовании новых средств информатики, но, главным образом, развитие его многих личных качеств, таких, как филологическая культура, пространственное образное мышление, способность к самообразованию и творчеству. Все эти качества окажутся наиболее востребованными в обществе знаний и помогут человеку эффективно использовать возможности этого общества для достижения

как своих личных, так и общественных целей. [1] Однако формирование новой информационной культуры личности и общества может быть достигнуто лишь объединенными усилиями культуры и образования.

Концепция информационного общества предлагает новый социально–философский взгляд на развитие общественного бытия. Он отражает определенную историческую стадию (этап) в экономическом, политическом, культурно–эстетическом и морально–этическом развитии человечества. И хотя любое разделение истории на стадии, этапы, периоды, эпохи весьма условно, в таком подходе есть определенный смысл, отражающий происходящие изменения в общественных отношениях и связях, в способе и образе мышления людей, а также в их поведении. В данном случае речь идет о наполнении общественного сознания новыми общечеловеческими ценностями – такими, как социальная справедливость, свобода личности, политический плюрализм и мировоззренческая толерантность. Это новое явление отражает объективную тенденцию в эволюционном развитии человечества, связанную с формированием новых потребностей, иного образа жизни людей. Информатизация общества направлена на создание оптимальных условий для удовлетворения информационных потребностей и реализации прав граждан, органов государственной власти, общественных организаций на основе формирования и использования информационных ресурсов. Но далеко не все члены информационного общества смогут практически использовать те новые возможности, которые оно может предоставить человеку. Причем, обусловлено это не только экономическими и инструментально–технологическими факторами, связанными с возможностью обеспечения доступа тех или иных пользователей к средствам информатики и информационным ресурсам общества, но, главным образом, гуманитарными факторами, которые зависят от качеств самого человека. К числу таких факторов относятся: информационная, в том числе, лингвистическая культура личности, информационная компетентность, образованность, а также мотивация человека, его стремление к познанию и самообучению, развитию своих интеллектуальных способностей. Ведь, если у самого человека нет желания быть активным членом информационного общества, то никакая техника и технология ему не поможет.

Формирование новой системы духовных ценностей, которая была бы адекватной условиям существования человечества в 21–м веке и способствовала бы интеграции усилий мирового сообщества в интересах решения наиболее острых глобальных проблем современности. В настоящее время опубликовано достаточно большое количество научных работ, в которых убедительно показано, что глубинные корни практически всех существующих сегодня глобальных проблем развития цивилизации находятся не в

экономической, политической или же технической области, а в духовной сфере общества. И обусловлены они именно существующей сегодня системой духовных ценностей, где преобладает ориентация на удовлетворение материальных потребностей человека в ущерб его интеллектуальному и духовному развитию.

До тех пор, пока ценностная ориентация не перестанет доминировать в обществе, ни о каких надеждах на преодоление современного кризиса цивилизации говорить просто не приходится. Однако для того, чтобы эта, доминирующая сегодня в экономически развитых странах аксиологическая парадигма, претерпела необходимые изменения, потребуются такие радикальные перемены в общественном сознании, которые некоторые современные ученые квалифицируют как «революцию сознания». К сожалению, прогнозные исследования показывают, что иного выбора у человечества просто нет. Оно должно будет либо изменить свою систему ценностей, либо просто исчезнуть с лица нашей планеты в результате самоуничтожения тем или иным способом. [2]

В своё время Н.Н.Моисеев подчёркивал, что только по-настоящему образованное и интеллигентное общество способное вступить в период своей истории, когда оно сможет реализовать режим коэволюции природы и общества. Таким образом, практическое решение вышеуказанных проблем и противоречий современного бытия человека и общества неизбежно реализуется через переход индустриально-потребительского общества к обществу постиндустриально-информационному, а в перспективе к устойчивому развитию, обусловленному единым процессом эволюционного движения цивилизации. [3]

Формирование информационной этики, как считают многие исследователи, является порождением культуры. Поэтому одним из важных и социально значимых результатов формирования новой информационной культуры личности и общества должно стать формирование этики, адекватной этой культуре. Информационная этика является необходимым компонентом информационного общества еще и потому, что только она сможет обеспечить необходимый уровень его информационной безопасности. Никакие технические, юридические, организационные и другие меры решить эту проблему в полной мере принципиально не смогут. И здесь вполне уместно напомнить слова Иммануила Канта: «Есть только две вещи, которым я не перестаю удивляться. Это звездное небо над головой и моральный закон во мне». Эти слова великого философа актуальны сегодня как никогда ранее. Моральный закон в душе каждого человека, только он может надежно гарантировать информационную безопасность человека и общества.

Целостное представление о многочисленных связях, обусловленных информационными взаимодействиями, по праву исследует философия информации.

Термин «философия информации» появился в научной терминологии сравнительно недавно. Его, в частности, использовал китайский ученый Лю Ган, статья которого была опубликована в России в 2007 г. под названием «Философия информации и основы будущей китайской философии науки и техники». Здесь философию информации предлагается рассматривать как новую дисциплину в области философских исследований, возникшую «с приходом киберпространства и наступлением киберэпохи»

Появление философии информации обусловлено, главным образом, развитием процесса информатизации общества, который особенно заметно проявляется в последней четверти XX в. Одним из последствий этого процесса стал так называемый «компьютерный поворот» в философии, когда предпринимаются попытки философского осмысления возможных последствий широкомасштабной компьютеризации общества.

Нам представляется, что эта точка зрения слишком узкая, и поэтому согласиться с ней можно лишь частично – в вопросе целесообразности выделения новой дисциплины в области философии. Что же касается содержания этой дисциплины, то, по нашему мнению, оно должно быть существенно более широким. Действительно, ведь в 1968 г., когда вышла в свет первая монография А. Д. Урсула о природе информации, такие понятия, как киберпространство и компьютерный поворот в философии, еще не были распространены в научном сообществе. Тем не менее уже в тот период времени в России активно обсуждались философские аспекты теории информации – новой научной дисциплины, которая начала тогда бурно развиваться и все более широко использоваться не только в технических науках, но также в биологии и лингвистике.

В настоящей монографии, как и в других своих работах, А. Д. Урсул последовательно развивает и аргументирует существенно более широкое понимание содержания проблем философии информации. С его точки зрения, это направление философии должно в ближайшем будущем стать научной базой для всего процесса информационного развития общества. Причем этот процесс он рассматривает не как очередной этап научно–технической революции, а как начало перехода на качественно новую, более высокую ступень развития цивилизации – становление ноосферы.

Эта стратегически важная философская идея была достаточно подробно обоснована А. Д. Урсулом в его известной монографии «Путь в ноосферу. Концепция выживания и устойчивого развития человечества». В работе показано, что информационное развитие должно стать доминантой всей дальнейшей эволюции человечества, по крайней мере, на протяжении XXI в). [4].

Ведь только овладение информацией и ее широкое использование как главного ресурса и приоритетного фактора развития цивилизации дает человечеству надежду на

выход из системного кризиса и решение многих глобальных проблем современности, а также тех новых, которые нас еще ожидают в будущем.

Но что означает требование овладения информацией? Это прежде всего необходимость адекватного понимания ее природы, то есть концептуальной философской сущности. Следующее требование заключается в необходимости понимания роли информации в процессах эволюции природы и общества, а также самого человека. Ведь, как показывают результаты исследований, только на этой основе и может быть построена современная научная картина мира, в которой важное место будут занимать информация и процессы информационного взаимодействия. Именно поэтому философское осмысление природы информации продолжает оставаться и сегодня исключительно актуальной и стратегически важной научной проблемой

Хотелось бы особо подчеркнуть, что философия информации становится сегодня научной базой и для развития информатиологии как фундаментальной науки. Ведь именно те или иные представления о природе информации и роли информационной культуры в бытии современного человека и определяют границы предметной области данной науки, а также ее место в системе научного познания. В последние годы в России появились работы, в которых показано, что в ближайшем будущем информатиологии может стать самостоятельной отраслью науки, которая будет иметь важное междисциплинарное и мировоззренческое значение. Мало того, существуют прогнозы, что именно информатиология может стать в будущем той конструктивной основой для более тесной интеграции естественных и гуманитарных наук, необходимость которой сегодня становится все более очевидной.

Список литературы

1. Колин К.К. Информационная культура в информационном обществе. //Открытое образование, № 6 (59), 2006. – С. 58–57
2. Колин К.К. Человек в информационном обществе: новые задачи для развития науки, образования и культуры. //Открытое образование, № 5 (64), 2007. – С. 40–46.
3. Моисеев Н.Н., Современный рационализм / Н.Н.Моисеев. – М., 1995. – с.338
4. Урсул А. Д., «Путь в ноосферу. Концепция выживания и устойчивого развития человечества». – М., Луч. – 1993. – 275 с.

СЕКЦИЯ №21.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.03)

ФЕНОМЕН «ТЕИСТИЧЕСКОГО РАЦИОНАЛИЗМА» В РУССКОЙ ДУХОВНО-АКАДЕМИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ. ТЕЗИСЫ

Бекжанова Е.С.

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

Русский православный теизм представлен четырьмя школами, соответствующими четырем духовным академиям – Киевской, Московской, Санкт-Петербургской и Казанской.

Современными отечественными историками философии термин «теистический рационализм» применялся к гносеологической установке киевской школы духовно-академического теизма, представленной И.М. Скворцовым, О.М. Новицким, С.С. Гогоцким, П.Д. Юркевичем, П.И. Линицким [См. 1; 4; 5; 6]. Формирование самого феномена «теистического рационализма» как основы метафизических учений представителей Киевской духовной академии связывается в первую очередь с влиянием философско-метафизического учения арх. Иннокентия (Борисова) [См. 5; 6]. В то же время среди имеющихся публикаций ещё нет обобщающих исследований по истории формирования данного феномена, а также исследований, в целом анализирующих феномен «теистического рационализма» в русской духовно-академической философии XIX – начала XX веков. Таким образом, научная новизна данного исследования в том, что впервые осуществляется попытка комплексного, системного рассмотрения феномена «теистического рационализма» (не только как историко-философского феномена, но и как фундаментальной познавательной и мировоззренческой позиции) в русской православной философии XIX – начала XX веков. Это в значительной степени связано с анализом философско-религиозных учений выдающихся философов, профессоров не только киевской, но и других русских православных духовных академий: Ф.А. Голубинского, В.Д. Кудрявцев-Платонова, А.И. Введенского, П.В. Тихомирова, М.И. Каринского, А.Е. Светилина, П.И. Нечаева, С.С. Глаголева, Ф.Ф. Сидонского, арх. Никанора (Бровковича), А.Ф. Гусева, В.А. Снегирева.

Автором проанализирован феномен «теистического рационализма» в целом: определены истоки данного феномена в постгегелевском западноевропейском теизме, который в свою очередь, коренится в платонизме и зрелой схоластике (томизме); в то же время, показано отличие православного рационализма и схоластицизированного рационализма зрелого средневековья.

«Теистический рационализм» в данном контексте рассматривается как особая, присущая только православному мирозерцанию, гносеологическая установка, основанная на вере в мистическую связь человека и Бога; тела, души и духа; «сердечной» интуиции и разума, которая становится одной из фундаментальных черт русской духовно-академической философии XIX – нач. XX веков.

Основаниями гносеологической установки «теистического рационализма» является своеобразный философско-религиозный синтетизм или *синтетический православный рационализм*: выполнение философией своих важнейших для жизни человека функций (мировоззренческой, ценностно-ориентирующей, воспитательной, проективной и т.д.) возможно только при сближении ее с религиозной верой, когда *рациональное* (т.е. подтвержденное логическими, гносеологическими и онтологическими аргументами) понятие Бога становится главной темой ее размышлений.

В данном контексте автор рассматривает следующие вопросы (поскольку, рассмотрение именно этих вопросов в философском творчестве духовных академистов раскрывает существо «теистического рационализма» и, в частности, их отношение к рациональному познанию):

- о взаимосвязи науки, религии и философии;
- о соотношении мышления и бытия;
- об исходном пункте (или началах) философии.

Все эти вопросы (и смежные с ними проблемы) рассматривались русскими православными теистами на фоне критики эмпириокритицизма [См. 8], эволюционизма [См. 3], позитивизма и прагматизма [См. 2; 9] и, в целом эмпиристской и материалистской парадигмы, популярной в то время в философском и научном мировоззрении России и Запада. Кроме того, через всю историю философии проходит линия, с одной стороны полемики, с другой – взаимодействия, рационализма и эмпиризма, материализма и спиритуализма, материализма и идеализма.

Данный подход является вполне закономерным и целесообразным, так как именно на стыке решения этих философских проблем русскими духовно-академическими теистами происходило становление особого философско-гносеологического направления, рассматриваемого автором.

В XIX – начале XX веков в философии и науке преобладали сугубо материалистические тенденции, отрицающие метафизику (так, позитивизм отрицал познавательную ценность философского исследования, а единственным источником действительного знания считал источники эмпирические). Русские духовно-академические теисты защищали метафизику. Для них метафизика – ядро философии, это

чистая философия, та наука, специальной задачей которой является исследование оснований бытия и познания. За исследование и описание оснований бытия в составе метафизики отвечает онтология, а за исследование и описание оснований познания этого бытия - гносеология. Именно метафизика стремится к отысканию абсолютного начала всех вещей.

Но особенность и красота их точки зрения в том, что они вовсе не отрицали и позитивного эмпирического знания (и эмпирических методов в деле познания). Бытие целостно – в нем есть как материальная сторона, познаваемая эмпирически, так и (наряду с ней, а не только она одна) идеальная, познаваемая рационально. Духовно-академические теисты показывали, что бытие с необходимостью содержит в себе обе эти стороны, указывая при этом, что данное обстоятельство очевидно даже для простого обыденного сознания.

Отстаивая права метафизики перед наступлением позитивизма, по сути, профессора духовных академий отстаивали религиозное, теистическое мировоззрение, то есть мировоззрение идеалистическое. Но, принимая за исходные установки, установки идеалистические, они не отрицали при этом и важность материалистических положений (выводов), а видели их целостно, пытаясь примирить материализм и идеализм.

Таким образом, отвергая, как рационализм, так и эмпиризм в их чистом виде (ровно, как и соответствующие им историко-философские модификации - идеализм и материализм), русские духовно-академические теисты показывали несостоятельность такого разделения и осуществляли попытки их примирения на основе целостного христианского православного миропонимания, где эмпирическое и рациональное начала в человеческом познании, дополняя друг друга, служат одной цели – истинному познанию бытия божественного и человеческого.

И с этой точки зрения русский духовно-академический теизм XIX – начала XX веков – явление уникальное. Со всей серьезностью восприняв от западноевропейского постгегелевского теизма ключевые тенденции (противостояние возрастающей роли позитивизма и эмпиризма в научной парадигме, защита метафизики и философии), но во многом и полемизируя с западноевропейским постгегелевским теизмом [См. 7], русские духовно-академические философы, на почве православного идеалистического мировоззрения сумели уравновесить и согласовать те крайности (как эмпиризма, так и рационализма), которых долго не могла избежать европейская философия. Отстаивая метафизику в век ее низвержения, профессора русских православных духовных академий Киева, Москвы, Санкт-Петербурга и Казани создавали свои красивейшие философские системы, синтезируя в них передовые достижения философии и науки своего времени.

Это придало строгость, академичность, целостность и онтологичность их философским концепциям. Таким образом, произошла своеобразная рецепция западноевропейского рационализма, и на почве православной философии (и в целом, православного мировоззрения) появился рационализм нового типа.

Список литературы

1. Бекжанова, Е.С. Религиозно-философская трактовка рационального познания в теистической системе П.И. Линицкого // Религиоведение. 2016. №3. С. 91-98
2. Гаристова, Е.Ю. Критика западноевропейского философского позитивизма и прагматизма в русском духовно-академическом теизме XIX - нач. XX века : дис. ... канд. филос. наук. Хабаровск, 2010. 151 с.
3. Гаристова, Е.Ю. Соотношение веры и разума в православном философском теизме XIX века в контексте критики эволюционизма // Сборник конференций НИЦ Социосфера. 2012. № 37. С. 56 – 60.
4. Климова, О.М. Концептуальные основы «теистического рационализма» П.И. Линицкого : авт. дис. ... канд. филос. наук. Уссурийск, 2012. 18 с.
5. Красотин, Е.П. Арх. Иннокентий (Борисов) и становление религиозно-философской школы в Киевской духовной академии во второй трети XIX века : дис. ... канд. филос. наук. Уссурийск, 2007. 145 с.
6. Красотин, Е.П. Взгляды архиепископа Иннокентия (Борисова) на соотношение философии и религии с позиций «теистического рационализма» // Религиоведение. 2007. № 3. С. 142 – 148.
7. Луценко, В.Е. Духовно-академическая философия в России и европейский теизм второй половины XIX века / дис. ... канд. филос. наук. Уссурийск, 2008. 166 с.
8. Пишун, С.В. Психогносеологическая концепция эмпириокритицизма и ее критика в православном духовно-академическом теизме начала XX века // Религиоведение. 2009. № 1. С. 121-129.
9. Пишун, С.В. Русский православный теизм в контексте критики прагматического волюнтаризма У. Джеймса // Религиоведение. 2010. № 3. С. 112-116.

СЕКЦИЯ №22.

ЭСТЕТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.04)

**СЕКЦИЯ №23.
ЭТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.05)**

**СЕКЦИЯ №24.
ЛОГИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.07)**

**О НЕТАБЛИЧНОСТИ ДИЗЬЮНКТИВНО-НЕГАТИВНОГО ФРАГМЕНТА ЛЮБОЙ ω -
ПАРАПОЛНОЙ ЛОГИКИ ВАСИЛЬЕВСКОГО ТИПА ***

Попов В. М.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва

** Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 16-03-00224а.*

Работа выполнена в русле исследования проблемы табличности парapolных логик. Главный результат предлагаемой статьи – доказательство нетабличности дизьюнктивно – негативного фрагмента любой ω -парapolной логики васильевского типа.

Язык L всех рассматриваемых здесь логик есть стандартно определяемый пропозициональный язык, алфавиту которого принадлежат в точности следующие символы: p_1, p_2, p_3, \dots (пропозициональные переменные языка L), $\&, \vee, \supset$ (бинарные логические связки языка L), \neg (унарная логическая связка языка L), левая и правая курсивные круглые скобки. Определение L -формулы индуктивно: (1) всякая пропозициональная переменная языка L есть L -формула, (2) если A и B являются L -формулами, то $(A\&B)$, $(A\vee B)$, $(A\supset B)$, и $(\neg A)$ являются L -формулами, (3) ничто другое не является L -формулой. Условимся обозначать через φ отображение множества $\{0, 1, 2, \dots, \omega\}$ всех целых неотрицательных чисел в одноэлементное множество, единственным элементом которого является символ \neg . Принимаем соглашение¹ о том, что для всякой L -формулы A и для всякого целого положительного числа $d \rightarrow^{[d]}(A)$ есть сокращение для $(\varphi(d)\dots(\varphi(1) A)\dots)$. Квазиэлементарной L -формулой называем L -формулу, в которую не входит ни одна бинарная логическая связка языка L . Длиной L -формулы называем число всех вхождений символов $\&, \vee, \supset, \neg$ в эту L -формулу. Ясно, что для всякой L -формулы существует единственная длина этой L -формулы, и что длина всякой L -формулы есть целое неотрицательное число. Длину L -формулы A обозначаем через $h(A)$. Логикой называем непустое множество L -формул, замкнутое относительно modus ponens в L и относительно правила подстановки L -формулы вместо пропозициональной переменной

языка L . Теорией логики L называем множество L -формул, включающее логику L и замкнутое относительно modus ponens в L . Понятно, что множество всех L -формул является логикой, а также теорией любой логики. Множество всех L -формул называем тривиальной теорией. Полной теорией логики L называем такую теорию T логики L , что для всякой L -формулы A верно следующее: $A \in T$ или $(\neg A) \in T$. Парাপолной теорией логики L называем такую теорию T логики L , что T не является полной теорией логики L и всякая полная теория логики L , включающая T , есть тривиальная теория. Парাপолной логикой называем такую логику L , что существует парাপолная теория логики L .

Условимся, что на протяжении всей статьи α - произвольное число из $\{0, 1, 2, \dots, \omega\}$. Построим исчисление $HI_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ гильбертовского типа. Язык исчисления $HI_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ есть L . Аксиомами исчисления $HI_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ являются все те и только те L -формулы, каждая из которых имеет хотя бы один из следующих двенадцати видов (здесь A, B и C - L -формулы):

- (I) $((A \supset B) \supset ((B \supset C) \supset (A \supset C)))$, (II) $(A \supset (A \vee B))$, (III) $(B \supset (A \vee B))$,
 (IV) $((A \supset C) \supset ((B \supset C) \supset ((A \vee B) \supset C)))$, (V) $((A \& B) \supset A)$, (VI) $((A \& B) \supset B)$,
 (VII) $((C \supset A) \supset ((C \supset B) \supset (C \supset (A \& B))))$, (VIII) $((A \supset (B \supset C)) \supset ((A \& B) \supset C))$,
 (IX) $((A \& B) \supset C) \supset (A \supset (B \supset C))$, (X) $((A \supset B) \supset A) \supset A$, (XI, α) $((\neg D) \supset (D \supset A))$, где D есть L -формула, которая не является квазиэлементарной L -формулой длины $< \alpha$, (XII, ω) $((E \supset (\neg(A \supset A))) \supset (\neg E))$, где E есть L -формула, которая не является квазиэлементарной L -формулой длины $< \omega$.

Заметим, что L -формула не является квазиэлементарной L -формулой длины $< \omega$ тогда и только тогда, когда эта L -формула не является квазиэлементарной L -формулой.

Исчисление $HI_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ имеет единственное правило – modus ponens в L .

Доказательства в $HI_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ ($HI_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ -доказательства) строятся обычным для исчислений гильбертовского типа образом. Стандартно определяется L -формула, доказуемая в $HI_{\langle \alpha, \omega \rangle}$. Условимся через $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ обозначать множество всех L -формул, доказуемых в $HI_{\langle \alpha, \omega \rangle}$. Из утверждения (У3) работы [1] и того факта, что $\omega \neq 0$, следует, что $I_{\langle x, \omega \rangle}$ является парাপолной логикой для всякого x из $\{0, 1, 2, \dots, \omega\}$. Ориентируясь на терминологию работы [1], называем ω -парাপолной логикой васильевского типа логику $I_{\langle x, \omega \rangle}$, где $x \in \{0, 1, 2, \dots, \omega\}$.

Помимо языка L нам требуется язык $L_{\vee \neg}$, являющийся стандартно определяемым пропозициональным языком, алфавиту которого принадлежат в точности следующие символы: p_1, p_2, p_3, \dots (пропозициональные переменные языка $L_{\vee \neg}$), \vee (бинарная

логическая связка языка L_{\neg}), \neg (унарная логическая связка языка L_{\neg}), левая и правая курсивные круглые скобки. Определение L_{\neg} -формулы аналогично определению L -формулы, данному выше.

Дизъюнктивно-негативным фрагментом логики $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ называем множество всех таких L_{\neg} -формул, каждая из которых принадлежит логике $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$. Понятно, что для всякой ω -параполной логики васильевского типа существует единственный дизъюнктивно-негативный фрагмент этой логики. Дизъюнктивно-негативный фрагмент логики $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ обозначаем через $\vee \neg I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$.

Логической матрицей называем упорядоченную тройку $\langle M, N, O \rangle$, где M есть непустое множество, N включается в M , O есть операция на M или упорядоченная n -ка (n есть целое положительное число и $n \geq 2$) операций на M . Называем M носителем логической матрицы $\langle M, N, O \rangle$, называем N выделенным множеством логической матрицы $\langle M, N, O \rangle$, называем O набором операций логической матрицы $\langle M, N, O \rangle$. Конечной логической матрицей называем логическую матрицу, носитель которой является конечным множеством. Логической матрицей языка L_{\neg} (L_{\neg} -матрицей) называем такую логическую матрицу $\langle M, N, O \rangle$, что O есть упорядоченная двойка, первый член которой есть бинарная операция на M , а второй – унарная операция на M .

Оценкой языка L_{\neg} в L_{\neg} -матрице M называем отображение множество всех пропозициональных переменных языка L_{\neg} в носитель L_{\neg} -матрицы M . Можно доказать, что если M есть L_{\neg} -матрица и $\langle \oplus, \sim \rangle$ есть набор операций L_{\neg} -матрицы M , то существует единственное отображение (следуя традиции, условимся обозначать его через $\| \cdot \|^M$ и называть означиванием в L_{\neg} -матрице M) множества, являющегося декартовым произведением множества всех L_{\neg} -формул на множество всех оценок языка L_{\neg} в L_{\neg} -матрице M , в носитель L_{\neg} -матрицы M , удовлетворяющее следующим условиям:

- (i) $\|q, \tau\|^M = \tau(q)$ для всякой оценки τ языка L_{\neg} в M и для всякой пропозициональной переменной q языка L_{\neg} ,
- (ii) $\|(A \vee B), \tau\|^M = \|A, \tau\|^M \oplus \|B, \tau\|^M$ для всякой оценки τ языка L_{\neg} в M и для всяких L_{\neg} -формул A и B ,
- (iii) $\|(\neg A), \tau\|^M = \sim (\|A, \tau\|^M)$ для всякой оценки τ языка L_{\neg} в M и для всякой L_{\neg} -формулы A .

Называем A $L_{\vee, \neg}$ -формулой, общезначимой в $L_{\vee, \neg}$ -матрице \mathbf{M} , если для всякой оценки τ языка $L_{\vee, \neg}$ в $L_{\vee, \neg}$ -матрице $\mathbf{M} \mid A, \tau \mid^{\mathbf{M}}$ принадлежит выделенному множеству $L_{\vee, \neg}$ -матрицы \mathbf{M} .

Теорема (о нетабличности \vee, \neg - $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$).

Не существует такой конечной $L_{\vee, \neg}$ -матрицы \mathbf{M} , что для всякой $L_{\vee, \neg}$ -формулы A верно следующее: $A \in \vee, \neg$ - $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ тогда и только тогда, когда A есть $L_{\vee, \neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} .

Для доказательства этой теоремы потребуются две следующие леммы – лемма 1 и лемма 2.

Лемма 1.

Для всякой пропозициональной переменной q языка L , для всякого целого положительного числа m и для всякого целого положительного числа n верно следующее: если $m \neq n$, то $(\neg^{[m]}(q) \vee (\neg (\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q))))$ является L -формулой, которая не принадлежит $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$.

Лемма 2.

Для всякой конечной $L_{\vee, \neg}$ -матрицы \mathbf{M} верно следующее: если всякая $L_{\vee, \neg}$ -формула A такова, что $A \in \vee, \neg$ - $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ тогда и только тогда, когда A есть $L_{\vee, \neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} , то для всякой пропозициональной переменной q языка L , для некоторого целого положительного числа m и для некоторого целого положительного числа n верно следующее: $m \neq n$ и $(\neg^{[m]}(q) \vee (\neg (\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q))))$ есть $L_{\vee, \neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} .

В приводимых ниже доказательствах леммы 1 и доказательствах леммы 2 используется двузначная семантика логики $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$. Построим эту семантику, применяя описанный в [1] метод конструирования по всяким x и y из $\{0, 1, 2, \dots, \omega\}$ двузначной семантики, адекватной логике $I_{\langle x, y \rangle}$.

$I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ -предоценкой называем отображение множества всех квазиэлементарных L -формул в множество $\{0, 1\}$.

$I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ -оценкой называем такую $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ -предоценку v , что для всякой квазиэлементарной L -формулы Q , верно следующее: если $h(Q) \geq \alpha$ и $v(Q) = 1$, то $v(\neg Q) = 0$.

Определим $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ -означивание при заданной $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ -оценке.

$I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ -означиванием при $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ -оценке v называем такое отображение f множества всех L -формул во множество $\{0, 1\}$, что выполняются следующие условия:

- (i) для всякой квазиэлементарной L -формулы A $f(A) = v(A)$;
- (ii) для всякой L -формулы A , не являющейся квазиэлементарной L -формулой:

$f(\neg A) = 1$ тогда и только тогда, когда $f(A) = 0$;

(iii) для всяких L -формул A и B :

$f((A \& B)) = I$ тогда и только тогда, когда $f(A) = I$ и $f(B) = I$,

$f((A \vee B)) = I$ тогда и только тогда, когда $f(A) = I$ и $f(B) = I$,

$f((A \supset B)) = I$ тогда и только тогда, когда $f(A) = 0$ или $f(B) = I$.

Можно доказать, что для всякой $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ -оценки v существует единственное $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ -означивание при v . Условимся для любой $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ -оценки v обозначать через $\Phi_v^{\langle \alpha, \omega \rangle} I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ -означивание при v .

Называем A $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ -общезначимой L -формулой, если для всякой $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ -оценки v $\Phi_v^{\langle \alpha, \omega \rangle}(A) = I$.

Докажем теперь лемму 1.

(1) q есть пропозициональная переменная языка L (допущение).

(2) m есть целого положительное число (допущение).

(3) n есть целого положительное число (допущение).

(4) $m \neq n$ (допущение).

Очевидно, что (5) $(\neg^{[m]}(q) \vee (\neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q))))$ является L -формулой.

Разумеется, что (6) существует единственное множество всех таких упорядоченных двоек $\langle x, y \rangle$, что либо $y = I$ и x есть $\neg^{[n]}(q)$, либо $y = 0$ и x есть квазиэлементарная L -формула, отличная от $\neg^{[n]}(q)$.

Условимся, что (7) w есть множество всех таких упорядоченных двоек $\langle x, y \rangle$, что либо $y = I$ и x есть $\neg^{[n]}(q)$, либо $y = 0$ и x есть квазиэлементарная L -формула, отличная от $\neg^{[n]}(q)$.

Понятно, что (8) w есть $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ -оценка, $w(\neg^{[n]}(q)) = I$, $w(\neg^{[m]}(q)) = 0$.

Легко убедиться, что (9) $\Phi_w^{\langle \alpha, \omega \rangle}((\neg^{[m]}(q) \vee (\neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q)))) = 0$.

Но тогда понятно, что (10) $(\neg^{[m]}(q) \vee (\neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q))))$ не есть $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ -общезначимая L -формула.

Простым следствием доказанной в [1] теоремы 9 является следующее утверждение (11).

(11) Для всякой L -формулы A : если $A \in I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$, то A есть $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ -общезначимая L -формула.

(12) $(\neg^{[m]}(q) \vee (\neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q))))$ является L -формулой, которая не принадлежит $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ (из утверждений (5), (10) и (11)).

Снимая допущения (1), (2), (3) и (4) и обобщая, завершаем доказательство леммы 1.

Докажем лемму 2.

(1) M есть конечная L_{\neg} -матрица (допущение).

(2) Всякая L_{\neg} -формула A такова, что $A \in \mathcal{V} \rightarrow I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ тогда и только тогда, когда A есть L_{\neg} -формула, общезначимая в M (допущение).

(3) q есть пропозициональная переменная языка L (допущение).

Для удобства проведения рассуждения, положим что (4) M есть носитель L_{\neg} -матрицы M , N есть выделенное множеством логической матрицы M , $\langle \oplus, \sim \rangle$ есть набор операций L_{\neg} -матрицы M .

Условимся обозначать через ψ отображение множества $\{0, 1, 2, \dots, \omega\}$ всех целых неотрицательных чисел в одноэлементное множество, единственным элементом которого является унарная операция \sim на множестве M . Очевидно, что (#) для всякого целого положительного числа d существует единственное множество всех упорядоченных пар, каждая из которых имеет вид $\langle x, \psi(d)(\dots \psi(1)(x)\dots) \rangle$, где $x \in M$. В силу утверждения (#) корректно следующее соглашение 2: для всякого целого положительного числа d обозначаем через $\sim^{[d]}$ множество всех упорядоченных пар, каждая из которых имеет вид $\langle x, \psi(d)(\dots \psi(1)(x)\dots) \rangle$, где $x \in M$. Понятно, что (##) для всякого целого положительного числа d $\sim^{[d]}$ есть унарная операция на M .

(5) Для всякого x из M и для всякого целого положительного числа d $\sim^{[d+1]}(x) = \sim(\sim^{[d]}(x))$.

Докажем утверждение (5).

(5.1) $x \in M$ (допущение).

(5.2) d есть целое положительное число (допущение).

Опираясь на соглашение 2 и утверждение (5.2), получаем, что верны следующие утверждения (5.3) и (5.4).

(5.3) $\sim^{[d+1]}(x) = \psi(d+1)(\psi(d)(\dots \psi(1)(x)\dots))$.

(5.4) $\sim^{[d]}(x) = \psi(d)(\dots \psi(1)(x)\dots)$.

Разумеется, что (5.5) $\psi(d+1)$ есть \sim .

(5.6) $\psi(d+1)(\psi(d)(\dots \psi(1)(x)\dots)) = \sim(\psi(d)(\dots \psi(1)(x)\dots))$ (из (5.5)).

(5.7) $\sim^{[d+1]}(x) = \sim(\sim^{[d]}(x))$ (из (5.3), (5.4) и (5.6)).

Снимая допущения (5.1) и (5.2) и обобщая, завершаем доказательство утверждения (5).

Используя соглашение 1, определение отображения φ и тот факт, что всякая пропозициональная переменная языка L является L -формулой, получаем, что верно следующее утверждение (6).

(6) Для всякой пропозициональной переменной q языка L и для всякого целого положительного числа d $\rightarrow^{[d+1]}(q)$ есть $(\rightarrow^{[d]}(q))$.

(7) Для всякого целого положительного числа d , для всякой пропозициональной переменной q языка L_{\neg} и для всякой оценки ρ языка L_{\neg} в L_{\neg} -матрице \mathbf{M}

$$\vdash_{\neg}^{[d]}(q), \rho \mid^{\mathbf{M}} = \sim^{[d]}(\mid q, \rho \mid^{\mathbf{M}}).$$

Докажем утверждение (7) методом прямой индукции.

Базис: для всякой пропозициональной переменной q языка L_{\neg} и для всякой оценки ρ языка L_{\neg} в L_{\neg} -матрице \mathbf{M} $\vdash_{\neg}^{[1]}(q), \rho \mid^{\mathbf{M}} = \sim^{[1]}(\mid q, \rho \mid^{\mathbf{M}}).$

Доказательство базиса.

(Б1) r есть пропозициональная переменная языка L_{\neg} (допущение).

(Б2) ρ есть оценка языка L_{\neg} в L_{\neg} -матрице \mathbf{M} (допущение).

Понятно, что (Б3) r есть L -формула.

Опираясь на утверждение (Б3) и на тот факт, что 1 есть целое положительное число, получаем, используя соглашение 1, что (Б4) $\neg^{[1]}(r)$ есть $(\varphi(1) r)$.

(Б5) $\neg^{[1]}(r)$ есть $(\neg r)$ (из (Б4), по определению отображения φ).

В свете утверждения (Б5) ясно, что (Б6) $\vdash_{\neg}^{[1]}(r), \rho \mid^{\mathbf{M}} = \mid(\neg r), \rho \mid^{\mathbf{M}}.$

Поскольку \mathbf{M} является L_{\neg} -матрицей, то согласно данному выше определению означивания в L_{\neg} -матрице верно, что (Б7) $\mid(\neg A), \rho \mid^{\mathbf{M}} = \sim(\mid A, \rho \mid^{\mathbf{M}})$ для всякой оценки ρ языка L_{\neg} в L_{\neg} -матрице \mathbf{M} и для всякой L_{\neg} -формулы A .

Понятно, что (Б8) r есть L_{\neg} -формула.

(Б9) $\mid(\neg r), \rho \mid^{\mathbf{M}} = \sim(\mid r, \rho \mid^{\mathbf{M}})$ (из (Б2), (Б7) и (Б8)).

Опираясь на утверждение 2, на утверждение ($\#\#$), на тот факт, что 1 есть целое положительное число, и на тот факт, что $\mid r, \rho \mid^{\mathbf{M}} \in M$, получаем, что

(Б10) $\sim^{[1]}(\mid r, \rho \mid^{\mathbf{M}}) = \psi(1)(\mid r, \rho \mid^{\mathbf{M}}).$

(Б11) $\sim^{[1]}(\mid r, \rho \mid^{\mathbf{M}}) = \sim(\mid r, \rho \mid^{\mathbf{M}}).$

Из (Б6), (Б9) и (Б11) вытекает следующее утверждение (Б12).

(Б12) $\vdash_{\neg}^{[1]}(r), \rho \mid^{\mathbf{M}} = \sim^{[1]}(\mid r, \rho \mid^{\mathbf{M}}).$

Снимая допущения (Б1) и (Б2) и обобщая, завершаем доказательство базиса.

Базис доказан.

Индукционный шаг: для всякого целого положительного числа s верно, что если для всякой пропозициональной переменной q языка L_{\neg} и для всякой оценки ρ языка L_{\neg} в L_{\neg} -матрице \mathbf{M} $\vdash_{\neg}^{[s]}(q), \rho \mid^{\mathbf{M}} = \sim^{[s]}(\mid q, \rho \mid^{\mathbf{M}})$, то для всякой пропозициональной переменной q языка L_{\neg} и для всякой оценки ρ языка L_{\neg} в L_{\neg} -матрице \mathbf{M} $\vdash_{\neg}^{[s+1]}(q), \rho \mid^{\mathbf{M}} = \sim^{[s+1]}(\mid q, \rho \mid^{\mathbf{M}}).$

Доказательство индукционного шага.

(Ш1) s есть целое положительное число (допущение).

(Ш2) Для всякой пропозициональной переменной q языка L_{\neg} и для всякой оценки ρ языка L_{\neg} в L_{\neg} -матрице \mathbf{M} $\vdash_{\neg}^{[s]}(q), \rho \models^{\mathbf{M}} = \sim^{[s]}(\vdash q, \rho \models^{\mathbf{M}})$ (допущение).

(Ш3) u есть пропозициональная переменная языка L_{\neg} (допущение).

(Ш4) ρ есть оценка языка L_{\neg} в L_{\neg} -матрице \mathbf{M} (допущение).

Опираясь на утверждения (6), (Ш1), (Ш3) и на тот факт, что всякая пропозициональная переменная языка L_{\neg} является пропозициональной переменной языка L , получаем, что (Ш5) $\neg^{[s+1]}(u)$ есть $(\neg\neg^{[s]}(u))$.

В свете утверждения (Ш5) ясно, что (Ш6) $\vdash_{\neg}^{[s+1]}(u), \rho \models^{\mathbf{M}} = \vdash(\neg\neg^{[s]}(u)), \rho \models^{\mathbf{M}}$.

Поскольку \mathbf{M} является L_{\neg} -матрицей, то согласно данному выше определению означивания в L_{\neg} -матрице верно, что (Ш7) $\vdash(\neg A), \rho \models^{\mathbf{M}} = \sim(\vdash A, \rho \models^{\mathbf{M}})$ для всякой оценки ρ языка L_{\neg} в L_{\neg} -матрице \mathbf{M} и для всякой L_{\neg} -формулы A .

Используя утверждения (Ш4) и (Ш7) и учитывая, что $\neg^{[s]}(u)$ есть L_{\neg} -формула, получаем, что (Ш8) $\vdash_{\neg} \neg^{[s]}(u), \rho \models^{\mathbf{M}} = \sim(\vdash(\neg^{[s]}(u)), \rho \models^{\mathbf{M}})$.

В свете утверждений (Ш2), (Ш3) и (Ш4) ясно, что (Ш9) $\vdash(\neg\neg^{[s]}(u)), \rho \models^{\mathbf{M}} = \sim(\vdash(\neg^{[s]}(u)), \rho \models^{\mathbf{M}})$.

Опираясь на утверждения (5), (Ш1), и на тот факт, что $\vdash u, \rho \models^{\mathbf{M}} \in M$, получаем, что (Ш10) $\sim^{[s+1]}(\vdash u, \rho \models^{\mathbf{M}}) = \sim(\sim^{[s]}(\vdash u, \rho \models^{\mathbf{M}}))$.

Из утверждений (Ш6), (Ш8), (Ш9) и (Ш10) вытекает следующее утверждение (Ш11).

(Ш11) $\vdash_{\neg}^{[s+1]}(u), \rho \models^{\mathbf{M}} = \sim^{[s+1]}(\vdash u, \rho \models^{\mathbf{M}})$.

Снимая допущения (Ш1), (Ш2), (Ш3) и (Ш4) и обобщая, завершаем доказательство индукционного шага.

Индукционный шаг доказан.

Утверждение (7) доказано.

Известно, что (8) для всякого конечного множества K конечно множество всех унарных операций на K (число всех таких операций равно k^k , где k есть число всех элементов множества K).

(9) M есть конечное множество (из (1) и (4), по определению конечной логической матрицы и по определению L_{\neg} -матрицы).

(10) Множество всех унарных операций на M конечно (из (8) и (9)).

Понятно (см. утверждения (10) и (##)), что (11) существуют такие целые положительные числа m и n , что $m \neq n$ и $\sim^{[m]} = \sim^{[n]}$.

Пусть (12) m и n являются целыми положительными числами, $m \neq n$ и $\sim^{[m]} = \sim^{[n]}$.

Используя описанную здесь двузначную семантику логики $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$, убеждаемся, что верно следующее утверждение (13).

$$(13) \text{ Для всякой } I_{\langle \alpha, \omega \rangle}\text{-оценки } v \Phi_v^{\langle \alpha, \omega \rangle}((\neg^{[n]}(q) \vee (\neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q)))) = 1.$$

Опираясь на утверждение (13) и на определение $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ -общезначимой L -формулы, получаем, что (14) $(\neg^{[n]}(q) \vee (\neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q))))$ есть $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ -общезначимая L -формула.

Простым следствием доказанной в [1] теоремы 9 является утверждение (15).

(15) Для всякой L -формулы A : если A есть $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ -общезначимая L -формула, то $A \in I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$.

Разумеется, что (16) $(\neg^{[n]}(q) \vee (\neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q))))$ есть L -формула.

$$(17) (\neg^{[n]}(q) \vee (\neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q)))) \in I_{\langle \alpha, \omega \rangle} \text{ (из (14), (15) и (16)).}$$

Разумеется, что (18) $(\neg^{[n]}(q) \vee (\neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q))))$ есть $L_{\vee \neg}$ -формула.

$$(19) (\neg^{[n]}(q) \vee (\neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q)))) \in \vee \neg I_{\langle \alpha, \omega \rangle} \text{ (из (17) и (18), по определению}$$

дизъюнктивно-негативного фрагмента логики $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ и по соглашению о его обозначении).

$$(20) (\neg^{[n]}(q) \vee (\neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q)))) \in \vee \neg I_{\langle \alpha, \omega \rangle} \text{ тогда и только тогда, когда}$$

$(\neg^{[n]}(q) \vee (\neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q))))$ есть $L_{\vee \neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} (из (2) и (18)).

(21) $(\neg^{[n]}(q) \vee (\neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q))))$ есть $L_{\vee \neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} (из (19) и (20)).

(22) Для всякой оценки τ языка $L_{\vee \neg}$ в $L_{\vee \neg}$ -матрице $\mathbf{M} \mid (\neg^{[n]}(q) \vee (\neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q))))$, $\tau \mid^{\mathbf{M}}$ принадлежит выделенному множеству $L_{\vee \neg}$ -матрицы \mathbf{M} (из (21), по определению $L_{\vee \neg}$ -формулы, общезначимой в $L_{\vee \neg}$ -матрице).

(23) τ есть оценка языка $L_{\vee \neg}$ в $L_{\vee \neg}$ -матрице \mathbf{M} (допущение).

Опираясь на утверждения (3), (7), (23) и на тот факт, что m и n являются целыми положительными числами (см. утверждение (12)), получаем, что верны следующие утверждения (24) и (25).

$$(24) \mid \neg^{[m]}(q), \tau \mid^{\mathbf{M}} = \sim^{[m]}(\mid q, \tau \mid^{\mathbf{M}}).$$

$$(25) \mid \neg^{[n]}(q), \tau \mid^{\mathbf{M}} = \sim^{[n]}(\mid q, \tau \mid^{\mathbf{M}}).$$

Используя свойства означивания в $L_{\vee \neg}$ -матрице \mathbf{M} , убеждаемся в справедливости следующих утверждений (26) и (27).

$$(26) \mid (\neg^{[m]}(q) \vee (\neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q)))) \mid^{\mathbf{M}} = \mid \neg^{[m]}(q), \tau \mid^{\mathbf{M}} \oplus \mid (\neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q))), \tau \mid^{\mathbf{M}}.$$

$$(27) \mid (\neg^{[n]}(q) \vee (\neg(\neg^{[m]}(q) \vee \neg^{[m]}(q)))) \mid^{\mathbf{M}} = \mid \neg^{[n]}(q), \tau \mid^{\mathbf{M}} \oplus \mid (\neg(\neg^{[m]}(q) \vee \neg^{[m]}(q))), \tau \mid^{\mathbf{M}}.$$

(28) $|(\neg^{[m]}(q) \vee (\neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q)))) \tau |^M = \sim^{[m]}(|q, \tau |^M) \oplus |(\neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q))) \tau |^M$
(из (24) и (26)).

(29) $|(\neg^{[n]}(q) \vee (\neg(\neg^{[m]}(q) \vee \neg^{[m]}(q)))) \tau |^M = \sim^{[n]}(|q, \tau |^M) \oplus |(\neg(\neg^{[m]}(q) \vee \neg^{[m]}(q))) \tau |^M$
(из (25) и (27)).

(30) $\sim^{[m]} = \sim^{[n]}$ (из (12)).

(31) $|(\neg^{[m]}(q) \vee (\neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q)))) \tau |^M = \sim^{[n]}(|q, \tau |^M) \oplus |(\neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q))) \tau |^M$
(из (28) и (30)).

(32) $|(\neg^{[m]}(q) \vee (\neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q)))) \tau |^M = |(\neg^{[n]}(q) \vee (\neg(\neg^{[m]}(q) \vee \neg^{[m]}(q)))) \tau |^M$ (из (29) и (31)).

Снимая допущение (23) и обобщая, получаем, что (33) для всякой оценки τ языка $L_{\vee, \neg}$ в $L_{\vee, \neg}$ -матрице \mathbf{M} $|(\neg^{[m]}(q) \vee (\neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q)))) \tau |^M = |(\neg^{[n]}(q) \vee (\neg(\neg^{[m]}(q) \vee \neg^{[m]}(q)))) \tau |^M$.

(34) Для всякой оценки τ языка $L_{\vee, \neg}$ в $L_{\vee, \neg}$ -матрице \mathbf{M} $|(\neg^{[m]}(q) \vee (\neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q)))) \tau |^M$ принадлежит выделенному множеству $L_{\vee, \neg}$ -матрицы \mathbf{M} (из (22) и (33)).

(35) $(\neg^{[m]}(q) \vee (\neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q))))$ есть $L_{\vee, \neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} (из (34), по определению $L_{\vee, \neg}$ -формулы, общезначимой в $L_{\vee, \neg}$ -матрице).

(36) $m \neq n$ (из (12)).

(37) $m \neq n$ и $(\neg^{[m]}(q) \vee (\neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q))))$ есть $L_{\vee, \neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} (из (35) и (36)).

(38) Для некоторого целого положительного числа m и для некоторого целого положительного числа n верно следующее: $m \neq n$ и $(\neg^{[m]}(q) \vee (\neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q))))$ есть $L_{\vee, \neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} (из (37)).

Снимая допущение (3) и обобщая, получаем, что (39) для всякой пропозициональной переменной q языка L , для некоторого целого положительного числа m и для некоторого целого положительного числа n верно следующее: $m \neq n$ и $(\neg^{[m]}(q) \vee (\neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q))))$ есть $L_{\vee, \neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} .

Снимая допущения (1) и (2) и обобщая, завершаем доказательство леммы 2.

Лемма 2 доказана.

Докажем теорему о нетабличности $\vee \neg I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ методом от противного.

(1) Существует такая конечная $L_{\vee, \neg}$ -матрица \mathbf{M} , что для всякой $L_{\vee, \neg}$ -формулы A верно следующее: $A \in \vee \neg I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ тогда и только тогда, когда A есть $L_{\vee, \neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} (допущение).

Пусть (2) \mathbf{M} есть такая конечная $L_{\vee, \neg}$ -матрица, что для всякой $L_{\vee, \neg}$ -формулы

А верно следующее: $A \in \vee \neg I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ тогда и только тогда, когда A есть $L_{\vee \neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} .

(3) \mathbf{M} есть конечная $L_{\vee \neg}$ -матрица (из (2)).

(4) Для всякой $L_{\vee \neg}$ -формулы A верно следующее: $A \in \vee \neg I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ тогда и только тогда, когда A есть $L_{\vee \neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} (из (2)).

Опираясь на утверждение (3) и на лемму 2, получаем, что (5) если всякая $L_{\vee \neg}$ -формулы A такова, что $A \in \vee \neg I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ тогда и только тогда, когда A есть $L_{\vee \neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} , то для всякой пропозициональной переменной q языка L , для некоторого целого положительного числа m и для некоторого целого положительного числа n верно следующее: $m \neq n$ и $(\neg^{[m]}(q) \vee (\neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q))))$ есть $L_{\vee \neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} .

(5) Для всякой пропозициональной переменной q языка L , для некоторого целого положительного числа m и для некоторого целого положительного числа n верно следующее: $m \neq n$ и $(\neg^{[m]}(q) \vee (\neg(\neg^{[n]}(q) \vee \neg^{[n]}(q))))$ есть $L_{\vee \neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} (из (4) и (5)).

Разумеется, что (7) p_I есть пропозициональная переменная языка L .

(8) Для некоторого целого положительного числа m и для некоторого целого положительного числа n верно следующее: $m \neq n$ и $(\neg^{[m]}(p_I) \vee (\neg(\neg^{[n]}(p_I) \vee \neg^{[n]}(p_I))))$ есть $L_{\vee \neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} (из (6) и (7)).

Пусть (9) m и n являются целыми положительными числами, $m \neq n$ и $(\neg^{[m]}(p_I) \vee (\neg(\neg^{[n]}(p_I) \vee \neg^{[n]}(p_I))))$ есть $L_{\vee \neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} .

(10) m и n являются целыми положительными числами, $m \neq n$ (из (9)).

(11) $(\neg^{[m]}(p_I) \vee (\neg(\neg^{[n]}(p_I) \vee \neg^{[n]}(p_I))))$ есть $L_{\vee \neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} (из (9)).

Опираясь на утверждение (4) и на тот факт, что $(\neg^{[m]}(p_I) \vee (\neg(\neg^{[n]}(p_I) \vee \neg^{[n]}(p_I))))$ есть $L_{\vee \neg}$ -формула, получаем, что (12) $(\neg^{[m]}(p_I) \vee (\neg(\neg^{[n]}(p_I) \vee \neg^{[n]}(p_I)))) \in \vee \neg I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ тогда и только тогда, когда $(\neg^{[m]}(p_I) \vee (\neg(\neg^{[n]}(p_I) \vee \neg^{[n]}(p_I))))$ есть $L_{\vee \neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} .

(13) $(\neg^{[m]}(p_I) \vee (\neg(\neg^{[n]}(p_I) \vee \neg^{[n]}(p_I)))) \in \vee \neg I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ (из (11) и (12)).

Из леммы 1 и утверждений (7) и (10) вытекает следующее утверждение (14).

(14) $(\neg^{[m]}(p_I) \vee (\neg(\neg^{[n]}(p_I) \vee \neg^{[n]}(p_I))))$ является L -формулой, которая не принадлежит $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$.

Опираясь на утверждение (14) и используя определение дизъюнктивно-

негативного фрагмента логики $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ и соглашение об обозначении этого фрагмента, убеждаемся в справедливости следующего утверждения (15).

(15) Неверно, что $(\neg^{[m]}(p_1) \vee (\neg(\neg^{[n]}(p_1) \vee \neg^{[n]}(p_1)))) \in \vee \neg I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$.

Утверждение (15) несовместимо с утверждением (13). Следовательно, верно отрицание допущения (1).

Теорема о нетабличности дизъюнктивно-негативного фрагмента логики $I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ доказана.

В свете этой теоремы, определения ω -параполной логики васильевского типа и того факта, что α есть произвольное число из $\{0, 1, 2, \dots, \omega\}$, ясно, что дизъюнктивно-негативный фрагмент любой ω -параполной логики васильевского типа нетабличен.

Список литература

1. Попов В.М. Секвенциальная аксиоматизация и семантика I -логик васильевского типа // Логические исследования. 2016. Т. 22, №1. С. 32-69.

О НЕТАБЛИЧНОСТИ КОНЪЮНКТИВНО-НЕГАТИВНОГО ФРАГМЕНТА ЛЮБОЙ ω -ПАРАНЕПРОТИВОРЕЧИВОЙ ЛОГИКИ ВАСИЛЬЕВСКОГО ТИПА *

Попов В. М.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 16-03-00224а.

Работа выполнена в русле исследования проблемы табличности паранепротиворечивых логик. Главный результат предлагаемой статьи – доказательство нетабличности конъюнктивно – негативного фрагмента любой ω -паранепротиворечивой логики васильевского типа.

Язык L всех рассматриваемых здесь логик есть стандартно определяемый пропозициональный язык, алфавиту которого принадлежат в точности следующие символы: p_1, p_2, p_3, \dots (пропозициональные переменные языка L), $\&, \vee, \supset$ (бинарные логические связки языка L), \neg (унарная логическая связка языка L), левая и правая курсивные круглые скобки. Определение L -формулы индуктивно: (1) всякая

пропозициональная переменная языка L есть L -формула, (2) если A и B являются L -формулами, то $(A \& B)$, $(A \vee B)$, $(A \supset B)$, и $(\neg A)$ являются L -формулами, (3) ничто другое не является L -формулой. Условимся обозначать через φ отображение множества $\{0, 1, 2, \dots, \omega\}$ всех целых неотрицательных чисел в одноэлементное множество, единственным элементом которого является символ \neg . Принимаем соглашение 1 о том, что для всякой L -формулы A и для всякого целого положительного числа d $\neg^{[d]}(A)$ есть сокращение для $(\varphi(d) \dots (\varphi(1) A) \dots)$. Квазиэлементарной L -формулой называем L -формулу, в которую не входит ни одна бинарная логическая связка языка L . Длиной L -формулы называем число всех вхождений символов $\&$, \vee , \supset , \neg в эту L -формулу. Ясно, что для всякой L -формулы существует единственная длина этой L -формулы, и что длина всякой L -формулы есть целое неотрицательное число. Длину L -формулы A обозначаем через $h(A)$. Логикой называем непустое множество L -формул, замкнутое относительно modus ponens в L и относительно правила подстановки L -формулы вместо пропозициональной переменной языка L . Теорией логики L называем множество L -формул, включающее логику L и замкнутое относительно modus ponens в L . Понятно, что множество всех L -формул является логикой, а также теорией любой логики. Множество всех L -формул называем тривиальной теорией. Противоречивой теорией логики L называем такую теорию T логики L , что для некоторой формулы A верно: $A \in T$ и $(\neg A) \in T$. Паранепротиворечивой теорией логики L называем такую противоречивую теорию T логики L , что T не есть тривиальная теория логики L . Паранепротиворечивой логикой называем такую логику L , что существует паранепротиворечивая теория логики L .

Условимся, что на протяжении всей статьи β - произвольное число из $\{0, 1, 2, \dots, \omega\}$. Построим исчисление $HI_{\langle \omega, \beta \rangle}$ гильбертовского типа. Язык исчисления $HI_{\langle \omega, \beta \rangle}$ есть L . Аксиомами исчисления $HI_{\langle \omega, \beta \rangle}$ являются все те и только те L -формулы, каждая из которых имеет хотя бы один из следующих двенадцати видов (здесь A , B и C - L -формулы):

- (II) $((A \supset B) \supset ((B \supset C) \supset (A \supset C)))$, (II) $(A \supset (A \vee B))$, (III) $(B \supset (A \vee B))$,
 (IV) $((A \supset C) \supset ((B \supset C) \supset (A \vee B) \supset C))$, (V) $((A \& B) \supset A)$, (VI) $((A \& B) \supset B)$,
 (VII) $((C \supset A) \supset ((C \supset B) \supset (C \supset (A \& B))))$, (VIII) $((A \supset (B \supset C)) \supset ((A \& B) \supset C))$,
 (IX) $((A \& B) \supset C) \supset (A \supset (B \supset C))$, (X) $((A \supset B) \supset A) \supset A$, (XI, ω) $((\neg D) \supset (D \supset A))$, где D есть L -формула, которая не является квазиэлементарной L -формулой длины $< \omega$, (XII, β) $((E \supset \neg(A \supset A)) \supset \neg E)$, где E есть L -формула, которая не является квазиэлементарной L -формулой длины $< \beta$.

Заметим, что L -формула не является квазиэлементарной

L -формулой длины $< \omega$ тогда и только тогда, когда эта L -формула не является квазиэлементарной L -формулой.

Исчисление $HI_{<\omega,\beta>}$ имеет единственное правило – modus ponens в L .

Доказательства в $HI_{<\omega,\beta>}$ ($HI_{<\omega,\beta>}$ -доказательства) строятся обычным для исчислений гильбертовского типа образом. Стандартно определяется L -формула, доказуемая в $HI_{<\omega,\beta>}$. Условимся через $I_{<\omega,\beta>}$ обозначать множество всех L -формул, доказуемых в $HI_{<\omega,\beta>}$. Из утверждения (У3) работы [1] и того факта, что $\omega \neq 0$, следует, что $I_{<\omega,x>}$ является паранепротиворечивой логикой для всякого x из $\{0, 1, 2, \dots, \omega\}$. Ориентируясь на терминологию работы [1], называем ω -паранепротиворечивой логикой васильевского типа логику $I_{<\omega,x>}$, где $x \in \{0, 1, 2, \dots, \omega\}$.

Помимо языка L нам требуется язык $L_{\&\neg}$, являющийся стандартно определяемым пропозициональным языком, алфавиту которого принадлежат в точности следующие символы: p_1, p_2, p_3, \dots (пропозициональные переменные языка $L_{\&\neg}$), $\&$ (бинарная логическая связка языка $L_{\&\neg}$), \neg (унарная логическая связка языка $L_{\&\neg}$), левая и правая курсивные круглые скобки. Определение $L_{\&\neg}$ -формулы аналогично определению L -формулы, данному выше.

Конъюнктивно-негативным фрагментом логики $I_{<\omega,\beta>}$ называем множество всех таких $L_{\&\neg}$ -формул, каждая из которых принадлежит логике $I_{<\omega,\beta>}$. Понятно, что для всякой ω -паранепротиворечивой логики васильевского типа существует единственный конъюнктивно-негативный фрагмент этой логики. Конъюнктивно-негативный фрагмент логики $I_{<\omega,\beta>}$ обозначаем через $\&\neg I_{<\omega,\beta>}$.

Логической матрицей называем упорядоченную тройку $\langle M, N, O \rangle$, где M есть непустое множество, N включается в M , O есть операция на M или упорядоченная n -ка (n есть целое положительное число и $n \geq 2$) операций на M . Называем M носителем логической матрицы $\langle M, N, O \rangle$, называем N выделенным множеством логической матрицы $\langle M, N, O \rangle$, называем O набором операций логической матрицы $\langle M, N, O \rangle$. Конечной логической матрицей называем логическую матрицу, носитель которой является конечным множеством. Логической матрицей языка $L_{\&\neg}$ ($L_{\&\neg}$ -матрицей) называем такую логическую матрицу $\langle M, N, O \rangle$, что O есть упорядоченная двойка, первый член которой есть бинарная операция на M , а второй – унарная операция на M .

Оценкой языка $L_{\&\neg}$ в $L_{\&\neg}$ -матрице M называем отображение множество всех пропозициональных переменных языка $L_{\&\neg}$ в носитель $L_{\&\neg}$ -матрицы M . Можно доказать, что если M есть $L_{\&\neg}$ -матрица и $\langle \bullet, \sim \rangle$ есть набор операций $L_{\vee\neg}$ -матрицы M , то существует

единственное отображение (следуя традиции, условимся обозначать его через $|\cdot|^M$ и называть означиванием в $L_{\&\neg}$ -матрице M) множества, являющегося декартовым произведением множества всех $L_{\&\neg}$ -формул на множество всех оценок языка $L_{\&\neg}$ в $L_{\&\neg}$ -матрице M , в носитель $L_{\&\neg}$ -матрицы M , удовлетворяющее следующим условиям:

- (iv) $|q, \tau|^M = \tau(q)$ для всякой оценки τ языка $L_{\&\neg}$ в M и для всякой пропозициональной переменной q языка $L_{\&\neg}$,
- (v) $|(A \& B), \tau|^M = |A, \tau|^M \bullet |B, \tau|^M$ для всякой оценки τ языка $L_{\&\neg}$ в M и для всяких $L_{\&\neg}$ -формул A и B ,
- (vi) $|(\neg A), \tau|^M = \sim (|A, \tau|^M)$ для всякой оценки τ языка $L_{\&\neg}$ в M и для всякой $L_{\&\neg}$ -формулы A .

Называем A $L_{\&\neg}$ -формулой, общезначимой в $L_{\&\neg}$ -матрице M , если для всякой оценки τ языка $L_{\&\neg}$ в $L_{\&\neg}$ -матрице M $|A, \tau|^M$ принадлежит выделенному множеству $L_{\&\neg}$ -матрицы M .

Теорема (о нетабличности $\&\neg$ - $I_{\langle \omega, \beta \rangle}$).

Не существует такой конечной $L_{\&\neg}$ -матрицы M , что для всякой $L_{\&\neg}$ -формулы A верно следующее: $A \in \&\neg$ - $I_{\langle \omega, \beta \rangle}$ тогда и только тогда, когда A есть $L_{\&\neg}$ -формула, общезначимая в M .

Для доказательства этой теоремы потребуются две следующие леммы – лемма 1 и лемма 2.

Лемма 1.

Для всякой пропозициональной переменной q языка L , для всякого целого положительного числа m и для всякого целого положительного числа n верно следующее: если $m \neq n$, то $(\neg(\neg^{[m]}(q) \& (\neg(\neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q))))$ является

L -формулой, которая не принадлежит $I_{\langle \omega, \beta \rangle}$.

Лемма 2.

Для всякой конечной $L_{\&\neg}$ -матрицы M верно следующее: если всякая $L_{\&\neg}$ -формула A такова, что $A \in \&\neg$ - $I_{\langle \omega, \beta \rangle}$ тогда и только тогда, когда A есть $L_{\&\neg}$ -формула, общезначимая в M , то для всякой пропозициональной переменной q языка L , для некоторого целого положительного числа m и для некоторого целого положительного числа n верно следующее: $m \neq n$ и $(\neg(\neg^{[m]}(q) \& (\neg(\neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q))))$ есть $L_{\&\neg}$ -формула, общезначимая в M .

В приводимых ниже доказательствах леммы 1 и доказательствах леммы 2 используется двузначная семантика логики $I_{\langle \omega, \beta \rangle}$. Построим эту семантику, применяя описанный в [1] метод конструирования по всяким x и y из $\{0, 1, 2, \dots, \omega\}$ двузначной семантики, адекватной логике $I_{\langle x, y \rangle}$.

$I_{\langle \omega, \beta \rangle}$ -предоценкой называем отображение множества всех квазиэлементарных L -формул в множество $\{0, 1\}$.

$I_{\langle \omega, \beta \rangle}$ -оценкой называем такую $I_{\langle \omega, \beta \rangle}$ -предоценку v , что для всякой квазиэлементарной L -формулы Q , верно следующее: если $h(Q) \geq \beta$ и $v(Q) = 0$, то $v(\neg Q) = 1$.

Определим $I_{\langle \omega, \beta \rangle}$ -означивание при заданной $I_{\langle \omega, \beta \rangle}$ -оценке.

$I_{\langle \omega, \beta \rangle}$ -означиванием при $I_{\langle \omega, \beta \rangle}$ -оценке v называем такое отображение f множества всех L -формул во множество $\{0, 1\}$, что выполняются следующие условия:

(iv) для всякой квазиэлементарной L -формулы A $f(A) = v(A)$;

(v) для всякой L -формулы A , не являющейся квазиэлементарной L -формулой: $f(\neg A) = 1$ тогда и только тогда, когда $f(A) = 0$;

(vi) для всяких L -формул A и B :

$f(A \& B) = 1$ тогда и только тогда, когда $f(A) = 1$ и $f(B) = 1$,

$f(A \vee B) = 1$ тогда и только тогда, когда $f(A) = 1$ и $f(B) = 1$,

$f(A \supset B) = 1$ тогда и только тогда, когда $f(A) = 0$ или $f(B) = 1$.

Можно доказать, что для всякой $I_{\langle \omega, \beta \rangle}$ -оценки v существует единственное $I_{\langle \omega, \beta \rangle}$ -означивание при v . Условимся для любой $I_{\langle \omega, \beta \rangle}$ -оценки v обозначать через $\Phi_v^{\langle \omega, \beta \rangle}$ $I_{\langle \omega, \beta \rangle}$ -означивание при v .

Называем A $I_{\langle \omega, \beta \rangle}$ -общезначимой L -формулой, если для всякой $I_{\langle \omega, \beta \rangle}$ -оценки v $\Phi_v^{\langle \omega, \beta \rangle}(A) = 1$.

Докажем теперь лемму 1.

(6) q есть пропозициональная переменная языка L (допущение).

(7) m есть целого положительное число (допущение).

(8) n есть целого положительное число (допущение).

(9) $m \neq n$ (допущение).

Очевидно, что (5) $(\neg(\neg^{[m]}(q) \& (\neg(\neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q))))$ является L -формулой.

Разумеется, что (6) существует единственное множество всех таких упорядоченных двоек $\langle x, y \rangle$, что либо $y = 0$ и x есть $\neg^{[n]}(q)$, либо $y = 1$ и x есть квазиэлементарная L -формула, отличная от $\neg^{[n]}(q)$.

Условимся, что (7) w есть множество всех таких упорядоченных двоек $\langle x,$

$y >$, что либо $y=0$ и x есть $\neg^{[n]}(q)$, либо $y=1$ и x есть квазиэлементарная L -формула, отличная от $\neg^{[n]}(q)$.

Понятно, что (8) w есть $I_{\langle \omega, \beta \rangle}$ -оценка, $w(\neg^{[n]}(q)) = 0$, $w(\neg^{[m]}(q)) = 1$.

Легко убедиться, что (9) $\Phi_w^{\langle \omega, \beta \rangle}((\neg(\neg^{[m]}(q) \& (\neg(\neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q)))))) = 0$.

Но тогда понятно, что (10) $(\neg(\neg^{[m]}(q) \& (\neg(\neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q))))$ не есть $I_{\langle \omega, \beta \rangle}$ -общезначимая L -формула.

Простым следствием доказанной в [1] теоремы 9 является следующее утверждение (11).

(11) Для всякой L -формулы A : если $A \in I_{\langle \omega, \beta \rangle}$, то A есть $I_{\langle \omega, \beta \rangle}$ -общезначимая L -формула.

(12) $(\neg(\neg^{[m]}(q) \& (\neg(\neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q))))$ является L -формулой, которая не принадлежит $I_{\langle \omega, \beta \rangle}$ (из утверждений (5), (10) и (11)).

Снимая допущения (1), (2), (3) и (4) и обобщая, завершаем доказательство леммы 1.

Докажем лемму 2.

(4) M есть конечная $L_{\&\neg}$ -матрица (допущение).

(5) Всякая $L_{\&\neg}$ -формула A такова, что $A \in \&\neg I_{\langle \omega, \beta \rangle}$ тогда и только тогда, когда A есть $L_{\&\neg}$ -формула, общезначимая в M (допущение).

(6) q есть пропозициональная переменная языка L (допущение).

Для удобства проведения рассуждения, положим что (4) M есть носитель $L_{\&\neg}$ -матрицы M , N есть выделенное множеством логической матрицы M , $\langle \bullet, \sim \rangle$ есть набор операций $L_{\&\neg}$ -матрицы M .

Условимся обозначать через ψ отображение множества $\{0, 1, 2, \dots, \omega\}$ всех целых неотрицательных чисел в одноэлементное множество, единственным элементом которого является унарная операция \sim на множестве M . Очевидно, что (#) для всякого целого положительного числа d существует единственное множество всех упорядоченных пар, каждая из которых имеет вид $\langle x, \psi(d)(\dots \psi(1)(x)\dots) \rangle$, где $x \in M$. В силу утверждения (#) корректно следующее соглашение 2: для всякого целого положительного числа d обозначаем через $\sim^{[d]}$ множество всех упорядоченных пар, каждая из которых имеет вид $\langle x, \psi(d)(\dots \psi(1)(x)\dots) \rangle$, где $x \in M$. Понятно, что (##) для всякого целого положительного числа d $\sim^{[d]}$ есть унарная операция на M .

(5) Для всякого x из M и для всякого целого положительного числа d $\sim^{[d+1]}(x) = \sim(\sim^{[d]}(x))$.

Докажем утверждение (5).

(5.1) $x \in M$ (допущение).

(5.2) d есть целое положительное число (допущение).

Опираясь на соглашение 2 и на утверждение (5.2), получаем, что верны следующие утверждения (5.3) и (5.4).

$$(5.3) \sim^{[d+1]}(x) = \psi(d+1) (\psi(d)(\dots \psi(1) (x)\dots)).$$

$$(5.4) \sim^{[d]}(x) = \psi(d)(\dots \psi(1) (x)\dots).$$

Разумеется, что (5.5) $\psi(d+1)$ есть \sim .

$$(5.6) \psi(d+1) (\psi(d)(\dots \psi(1) (x)\dots)) = \sim(\psi(d)(\dots \psi(1) (x)\dots)) \text{ (из (5.5))}.$$

$$(5.7) \sim^{[d+1]}(x) = \sim(\sim^{[d]}(x)) \text{ (из (5.3), (5.4) и (5.6))}.$$

Снимая допущения (5.1) и (5.2) и обобщая, завершаем доказательство утверждения (5).

Используя соглашение 1, определение отображения φ и тот факт, что всякая пропозициональная переменная языка L является L -формулой, получаем, что верно следующее утверждение (6).

(6) Для всякой пропозициональной переменной q языка L и для всякого целого положительного числа d $\neg^{[d+1]}(q)$ есть $(\neg\neg^{[d]}(q))$.

(7) Для всякого целого положительного числа d , для всякой пропозициональной переменной q языка $L_{\&\neg}$ и для всякой оценке ρ языка $L_{\&\neg}$ в $L_{\&\neg}$ -матрице \mathbf{M} $\neg^{[d]}(q), \rho \models^{\mathbf{M}} = \sim^{[d]}(\neg q, \rho \models^{\mathbf{M}})$.

Докажем утверждение (7) методом прямой индукции.

Базис: для всякой пропозициональной переменной q языка $L_{\&\neg}$ и для всякой оценки ρ языка $L_{\&\neg}$ в $L_{\&\neg}$ -матрице \mathbf{M} $\neg^{[1]}(q), \rho \models^{\mathbf{M}} = \sim^{[1]}(\neg q, \rho \models^{\mathbf{M}})$.

Доказательство базиса.

(Б1) r есть пропозициональная переменная языка $L_{\&\neg}$ (допущение).

(Б2) ρ есть оценка языка $L_{\&\neg}$ в $L_{\&\neg}$ -матрице \mathbf{M} (допущение).

Понятно, что (Б3) r есть L -формула.

Опираясь на утверждение (Б3) и на тот факт, что 1 есть целое положительное число, получаем, используя соглашение 1, что (Б4) $\neg^{[1]}(r)$ есть $(\varphi(1) r)$.

(Б5) $\neg^{[1]}(r)$ есть $(\neg r)$ (из (Б4), по определению отображения φ).

В свете утверждения (Б5) ясно, что (Б6) $\neg^{[1]}(r), \rho \models^{\mathbf{M}} = \neg(\neg r), \rho \models^{\mathbf{M}}$.

Поскольку \mathbf{M} является $L_{\&\neg}$ -матрицей, то согласно данному выше определению означивания в $L_{\&\neg}$ -матрице верно, что (Б7) $\neg(A), \rho \models^{\mathbf{M}} = \sim(\neg A, \rho \models^{\mathbf{M}})$ для всякой оценки ρ языка $L_{\&\neg}$ в $L_{\&\neg}$ -матрице \mathbf{M} и для всякой $L_{\&\neg}$ -формулы A .

Понятно, что (Б8) r есть $L_{\&\neg}$ -формула.

(Б9) $\neg(\neg r), \rho \models^{\mathbf{M}} = \sim(\neg r, \rho \models^{\mathbf{M}})$ (из (Б2), (Б7) и (Б8)).

Опираясь на утверждение 2, на утверждение (##), на тот факт, что I есть целое положительное число, и на тот факт, что $\mid r, \rho \mid^M \in M$, получаем, что

$$(B10) \sim^{[I]}(\mid r, \rho \mid^M) = \psi(I)(\mid r, \rho \mid^M).$$

$$(B11) \sim^{[I]}(\mid r, \rho \mid^M) = \sim(\mid r, \rho \mid^M).$$

Из (Б6), (Б9) и (Б11) вытекает следующее утверждение (Б12).

$$(B12) \mid \neg^{[I]}(r), \rho \mid^M = \sim^{[I]}(\mid r, \rho \mid^M).$$

Снимая допущения (Б1) и (Б2) и обобщая, завершаем доказательство базиса.

Базис доказан.

Индукционный шаг: для всякого целого положительного числа s верно, что если для всякой пропозициональной переменной q языка $L_{\&\neg}$ и для всякой оценки ρ языка $L_{\&\neg}$ в $L_{\&\neg}$ -матрице $M \mid \neg^{[s]}(q), \rho \mid^M = \sim^{[s]}(\mid q, \rho \mid^M)$, то для всякой пропозициональной переменной q языка $L_{\&\neg}$ и для всякой оценки ρ языка $L_{\&\neg}$ в $L_{\&\neg}$ -матрице $M \mid \neg^{[s+I]}(q), \rho \mid^M = \sim^{[s+I]}(\mid q, \rho \mid^M)$.

Доказательство индукционного шага.

(Ш1) s есть целое положительное число (допущение).

(Ш2) Для всякой пропозициональной переменной q языка $L_{\&\neg}$ и для всякой оценки ρ языка $L_{\&\neg}$ в $L_{\&\neg}$ -матрице $M \mid \neg^{[s]}(q), \rho \mid^M = \sim^{[s]}(\mid q, \rho \mid^M)$ (допущение).

(Ш3) u есть пропозициональная переменная языка $L_{\&\neg}$ (допущение).

(Ш4) ρ есть оценка языка $L_{\&\neg}$ в $L_{\&\neg}$ -матрице M (допущение).

Опираясь на утверждения (6), (Ш1), (Ш3) и на тот факт, что всякая пропозициональная переменная языка $L_{\&\neg}$ является пропозициональной переменной языка L , получаем, что (Ш5) $\neg^{[s+I]}(u)$ есть $(\neg\neg^{[s]}(u))$.

В свете утверждения (Ш5) ясно, что (Ш6) $\mid \neg^{[s+I]}(u), \rho \mid^M = \mid (\neg\neg^{[s]}(u)), \rho \mid^M$.

Поскольку M является $L_{\&\neg}$ -матрицей, то согласно данному выше определению означивания в $L_{\&\neg}$ -матрице верно, что (Ш7) $\mid (\neg A), \rho \mid^M = \sim(\mid A, \rho \mid^M)$ для всякой оценки ρ языка $L_{\&\neg}$ в $L_{\&\neg}$ -матрице M и для всякой $L_{\&\neg}$ -формулы A .

Используя утверждения (Ш4) и (Ш7) и учитывая, что $\neg^{[s]}(u)$ есть $L_{\&\neg}$ -формула, получаем, что (Ш8) $\mid \neg \neg^{[s]}(u), \rho \mid^M = \sim(\mid \neg^{[s]}(u), \rho \mid^M)$.

В свете утверждений (Ш2), (Ш3) и (Ш4) ясно, что (Ш9) $\mid (\neg\neg^{[s]}(u)), \rho \mid^M = \sim(\mid \neg^{[s]}(u), \rho \mid^M)$.

Опираясь на утверждения (5), (Ш1), и на тот факт, что $\mid u, \rho \mid^M \in M$, получаем, что (Ш10) $\sim^{[s+I]}(\mid u, \rho \mid^M) = \sim(\sim^{[s]}(\mid u, \rho \mid^M))$.

Из утверждений (Ш6), (Ш8), (Ш9) и (Ш10) вытекает следующее утверждение (Ш11).

$$(Ш11) \quad | \neg^{[s+1]}(u), \rho |^M = \sim^{[s+1]}(|u, \rho|^M).$$

Снимая допущения (Ш1), (Ш2), (Ш3) и (Ш4) и обобщая, завершаем доказательство индукционного шага.

Индукционный шаг доказан.

Утверждение (7) доказано.

Известно, что (8) для всякого конечного множества K конечно множество всех унарных операций на K (число всех таких операций равно k^k , где k есть число всех элементов множества K).

(9) M есть конечное множество (из (1) и (4), по определению конечной логической матрицы и по определению $L_{\&\neg}$ -матрицы).

(10) Множество всех унарных операций на M конечно (из (8) и (9)).

Понятно (см. утверждения (10) и (##)), что (11) существуют такие целые положительные числа m и n , что $m \neq n$ и $\sim^{[m]} = \sim^{[n]}$.

Пусть (12) m и n являются целыми положительными числами, $m \neq n$ и $\sim^{[m]} = \sim^{[n]}$.

Используя описанную здесь двузначную семантику логики $I_{\langle \omega, \beta \rangle}$, убеждаемся, что верно следующее утверждение (13).

$$(13) \quad \text{Для всякой } I_{\langle \omega, \beta \rangle}\text{-оценки } v \quad \Phi_v^{\langle \omega, \beta \rangle}((\neg(\neg^{[n]}(q) \& (\neg(\neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q)))))) = 1.$$

Опираясь на утверждение (13) и на определение $I_{\langle \omega, \beta \rangle}$ -общезначимой L -формулы, получаем, что (14) $(\neg(\neg^{[n]}(q) \& (\neg(\neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q))))$ есть $I_{\langle \omega, \beta \rangle}$ -общезначимая L -формула.

Простым следствием доказанной в [1] теоремы 9 является утверждение (15).

(15) Для всякой L -формулы A : если A есть $I_{\langle \omega, \beta \rangle}$ -общезначимая L -формула, то $A \in I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$.

Разумеется, что (16) $(\neg(\neg^{[n]}(q) \& (\neg(\neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q))))$ есть L -формула.

(17) $(\neg(\neg^{[n]}(q) \& (\neg(\neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q)))) \in I_{\langle \alpha, \omega \rangle}$ (из (14), (15) и (16)).

Разумеется, что (18) $(\neg(\neg^{[n]}(q) \& (\neg(\neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q))))$ есть $L_{\&\neg}$ -формула.

(19) $(\neg(\neg^{[n]}(q) \& (\neg(\neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q)))) \in \&\neg I_{\langle \omega, \beta \rangle}$ (из (17) и (18), по определению дизъюнктивно-негативного фрагмента логики $I_{\langle \omega, \beta \rangle}$ и по соглашению о его обозначении).

(20) $(\neg(\neg^{[n]}(q) \& (\neg(\neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q)))) \in \&\neg I_{\langle \omega, \beta \rangle}$ тогда и только тогда, когда $(\neg(\neg^{[n]}(q) \& (\neg(\neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q))))$ есть $L_{\&\neg}$ -формула, общезначимая в M (из (2) и (18)).

(21) $(\neg(\neg^{[n]}(q) \& (\neg(\neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q))))$ есть $L_{\&\neg}$ -формула, общезначимая в M (из (19) и (20)).

(22) Для всякой оценки τ языка $L_{\&\neg}$ в $L_{\&\neg}$ -матрице $M | (\neg(\neg^{[n]}(q) \& (\neg(\neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q))))$, $\tau |^M$ принадлежит выделенному множеству $L_{\&\neg}$ -матрицы M (из (21), по определению $L_{\&\neg}$ -формулы, общезначимой в $L_{\&\neg}$ -матрице).

(23) τ есть оценка языка $L_{\&\neg}$ в $L_{\&\neg}$ -матрице \mathbf{M} (допущение).

Опираясь на утверждения (3), (7), (23) и на тот факт, что m и n являются целыми положительными числами (см. утверждение (12)), получаем, что верны следующие утверждения (24) и (25).

$$(24) \quad | \neg^{[m]}(q), \tau |^{\mathbf{M}} = \sim^{[m]}(|q, \tau |^{\mathbf{M}}).$$

$$(25) \quad | \neg^{[n]}(q), \tau |^{\mathbf{M}} = \sim^{[n]}(|q, \tau |^{\mathbf{M}}).$$

Используя свойства означивания в $L_{\&\neg}$ -матрице \mathbf{M} , убеждаемся в справедливости следующих утверждений (26) и (27).

$$(26) \quad | (\neg(\neg^{[m]}(q) \& (\neg(\neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q))))), \tau |^{\mathbf{M}} = \sim (| \neg^{[m]}(q), \tau |^{\mathbf{M}} \bullet | (\neg(\neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q))), \tau |^{\mathbf{M}}).$$

$$(27) \quad | (\neg(\neg^{[n]}(q) \& (\neg(\neg^{[m]}(q) \& \neg^{[m]}(q))))), \tau |^{\mathbf{M}} = \sim (| \neg^{[n]}(q), \tau |^{\mathbf{M}} \bullet | (\neg(\neg^{[m]}(q) \& \neg^{[m]}(q))), \tau |^{\mathbf{M}}).$$

$$(28) \quad | (\neg(\neg^{[m]}(q) \& (\neg(\neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q))))), \tau |^{\mathbf{M}} = \sim (\sim^{[m]}(|q, \tau |^{\mathbf{M}}) \bullet | (\neg(\neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q))), \tau |^{\mathbf{M}}) \text{ (из (24) и (26)).}$$

$$(29) \quad | (\neg(\neg^{[n]}(q) \& (\neg(\neg^{[m]}(q) \& \neg^{[m]}(q))))), \tau |^{\mathbf{M}} = \sim (\sim^{[n]}(|q, \tau |^{\mathbf{M}}) \bullet | (\neg(\neg^{[m]}(q) \& \neg^{[m]}(q))), \tau |^{\mathbf{M}}) \text{ (из (25) и (27)).}$$

$$(30) \quad \sim^{[m]} = \sim^{[n]} \text{ (из (12)).}$$

$$(31) \quad | (\neg(\neg^{[m]}(q) \& (\neg(\neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q))))), \tau |^{\mathbf{M}} = \sim (\sim^{[n]}(|q, \tau |^{\mathbf{M}}) \bullet | (\neg(\neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q))), \tau |^{\mathbf{M}}) \text{ (из (28) и (30)).}$$

$$(32) \quad | (\neg(\neg^{[m]}(q) \& (\neg(\neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q))))), \tau |^{\mathbf{M}} = | (\neg(\neg^{[n]}(q) \& (\neg(\neg^{[m]}(q) \& \neg^{[m]}(q))))), \tau |^{\mathbf{M}} \text{ (из (29) и (31)).}$$

Снимая допущение (23) и обобщая, получаем, что (33) для всякой оценки τ языка $L_{\&\neg}$ в $L_{\&\neg}$ -матрице \mathbf{M}

$$| (\neg(\neg^{[m]}(q) \& (\neg(\neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q))))), \tau |^{\mathbf{M}} = | (\neg(\neg^{[n]}(q) \& (\neg(\neg^{[m]}(q) \& \neg^{[m]}(q))))), \tau |^{\mathbf{M}}.$$

(34) Для всякой оценки τ языка $L_{\&\neg}$ в $L_{\&\neg}$ -матрице \mathbf{M} $| (\neg(\neg^{[m]}(q) \& (\neg(\neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q))))), \tau |^{\mathbf{M}}$ принадлежит выделенному множеству $L_{\&\neg}$ -матрицы \mathbf{M} (из (22) и (33)).

(35) $(\neg(\neg^{[m]}(q) \& (\neg(\neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q))))$ есть $L_{\&\neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} (из (34)), по определению $L_{\&\neg}$ -формулы, общезначимой в $L_{\&\neg}$ -матрице).

$$(36) \quad m \neq n \text{ (из (12)).}$$

(37) $m \neq n$ и $(\neg(\neg^{[m]}(q) \& (\neg(\neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q))))$ есть $L_{\vee\neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} (из (35) и (36)).

(38) Для некоторого целого положительного числа m и для некоторого целого положительного числа n верно следующее: $m \neq n$ и $(\neg(\neg^{[m]}(q) \& (\neg(\neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q))))$ есть $L_{\&\neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} (из (37)).

Снимая допущение (3) и обобщая, получаем, что (39) для всякой пропозициональной переменной q языка L , для некоторого целого положительного числа m и для некоторого целого положительного числа n верно следующее: $m \neq n$ и $(\neg(\neg^{[m]}(q) \& (\neg(\neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q))))$ есть $L_{\&\neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} .

Снимая допущения (1) и (2) и обобщая, завершаем доказательство леммы 2.

Лемма 2 доказана.

Докажем теорему о нетабличности $\&\neg I_{\langle \omega, \beta \rangle}$ методом от противного.

(2) Существует такая конечная $L_{\&\neg}$ -матрица \mathbf{M} , что для всякой $L_{\&\neg}$ -формулы A верно следующее: $A \in \&\neg I_{\langle \omega, \beta \rangle}$ тогда и только тогда, когда A есть $L_{\&\neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} (допущение).

Пусть (2) \mathbf{M} есть такая конечная $L_{\&\neg}$ -матрица, что для всякой $L_{\&\neg}$ -формулы A верно следующее: $A \in \&\neg I_{\langle \omega, \beta \rangle}$ тогда и только тогда, когда A есть $L_{\&\neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} .

(3) \mathbf{M} есть конечная $L_{\&\neg}$ -матрица (из (2)).

(4) Для всякой $L_{\&\neg}$ -формулы A верно следующее: $A \in \&\neg I_{\langle \omega, \beta \rangle}$ тогда и только тогда, когда A есть $L_{\&\neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} (из (2)).

Опираясь на утверждение (3) и на лемму 2, получаем, что (5) если всякая $L_{\&\neg}$ -формулы A такова, что $A \in \&\neg I_{\langle \omega, \beta \rangle}$ тогда и только тогда, когда A есть $L_{\&\neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} , то для всякой пропозициональной переменной q языка L , для некоторого целого положительного числа m и для некоторого целого положительного числа n верно следующее: $m \neq n$ и $(\neg(\neg^{[m]}(q) \& (\neg(\neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q))))$ есть $L_{\vee\neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} .

(6) Для всякой пропозициональной переменной q языка L , для некоторого целого положительного числа m и для некоторого целого положительного числа n верно следующее: $m \neq n$ и $(\neg(\neg^{[m]}(q) \& (\neg(\neg^{[n]}(q) \& \neg^{[n]}(q))))$ есть $L_{\vee\neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} (из (4) и (5)).

Разумеется, что (7) p_1 есть пропозициональная переменная языка L .

(8) Для некоторого целого положительного числа m и для некоторого целого положительного числа n верно следующее: $m \neq n$ и $(\neg(\neg^{[m]}(p_1) \& (\neg(\neg^{[n]}(p_1) \& \neg^{[n]}(p_1))))$ есть $L_{\vee\neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} (из (6) и (7)).

Пусть (9) m и n являются целыми положительными числами, $m \neq n$ и

$(\neg(\neg^{[m]}(p_1)\&(\neg(\neg^{[n]}(p_1)\&\neg^{[n]}(p_1))))$ есть $L_{\&\neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} .

(10) m и n являются целыми положительными числами, $m \neq n$ (из (9)).

(11) $(\neg(\neg^{[m]}(p_1)\&(\neg(\neg^{[n]}(p_1)\&\neg^{[n]}(p_1))))$ есть $L_{\vee\neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} (из (9)).

Опираясь на утверждение (4) и на тот факт, что

$(\neg(\neg^{[m]}(p_1)\&(\neg(\neg^{[n]}(p_1)\&\neg^{[n]}(p_1))))$ есть $L_{\&\neg}$ -формула, получаем, что

(12) $(\neg(\neg^{[m]}(p_1)\&(\neg(\neg^{[n]}(p_1)\&\neg^{[n]}(p_1)))) \in \&\neg I_{\langle\omega,\beta\rangle}$ тогда и только тогда, когда

$(\neg(\neg^{[m]}(p_1)\&(\neg(\neg^{[n]}(p_1)\&\neg^{[n]}(p_1))))$ есть $L_{\&\neg}$ -формула, общезначимая в \mathbf{M} .

(13) $(\neg(\neg^{[m]}(p_1)\&(\neg(\neg^{[n]}(p_1)\&\neg^{[n]}(p_1)))) \in \&\neg I_{\langle\omega,\beta\rangle}$ (из (11) и (12)).

Из леммы 1 и утверждений (7) и (10) вытекает следующее утверждение(14).

(14) $(\neg(\neg^{[m]}(p_1)\&(\neg(\neg^{[n]}(p_1)\&\neg^{[n]}(p_1))))$ является L -формулой, которая не принадлежит $I_{\langle\omega,\beta\rangle}$.

Опираясь на утверждение (14) и используя определение конъюнктивно – негативного фрагмента логики $I_{\langle\omega,\beta\rangle}$ и соглашение об обозначении этого фрагмента, убеждаемся в справедливости следующего утверждения (15).

(15) Неверно, что $(\neg(\neg^{[m]}(p_1)\&(\neg(\neg^{[n]}(p_1)\&\neg^{[n]}(p_1)))) \in \&\neg I_{\langle\omega,\beta\rangle}$.

Утверждение (15) несовместимо с утверждением (13). Следовательно, верно отрицание допущения (1).

Теорема о нетабличности конъюнктивно-негативного фрагмента логики $I_{\langle\omega,\beta\rangle}$ доказана.

В свете этой теоремы, определения ω -паранепротиворечивой логики васильевского типа и того факта, что β есть произвольное число из $\{0, 1, 2, \dots, \omega\}$, ясно, что конъюнктивно-негативный фрагмент любой ω -паранепротиворечивой логики васильевского типа нетабличен.

Список литературы

1. Попов В.М. Секвенциальная аксиоматизация и семантика I -логик васильевского типа // Логические исследования. 2016. Т. 22, №1. С. 32-69.

СЕКЦИЯ №25.

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.08)

СЕКЦИЯ №26.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.11)

СЕКЦИЯ №27.

**ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.13)**

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.14)

СЕКЦИЯ №28.

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.14)

ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2016 ГОД

Январь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы общественных наук в современных условиях развития страны»**, г. Санкт-Петербург

Прием статей для публикации: до 1 января 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 февраля 2016г.

Февраль 2016г.

III Международная научно-практическая конференция **«Актуальные проблемы общественных наук в России и за рубежом»**, г. Новосибирск

Прием статей для публикации: до 1 февраля 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 марта 2016г.

Март 2016г.

III Международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы современных общественных наук»**, г. Екатеринбург

Прием статей для публикации: до 1 марта 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 апреля 2016г.

Апрель 2016г.

III Международная научно-практическая конференция **«Актуальные проблемы и достижения в общественных науках»**, г. Самара

Прием статей для публикации: до 1 апреля 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 мая 2016г.

Май 2016г.

III Международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы и перспективы развития общественных наук»**, г. Омск

Прием статей для публикации: до 1 мая 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июня 2016г.

Июнь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция **«Современные проблемы общественных наук в мире»**, г. Казань

Прием статей для публикации: до 1 июня 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июля 2016г.

Июль 2016г.

III Международная научно-практическая конференция **«О вопросах и проблемах современных общественных наук»**, г. Челябинск

Прием статей для публикации: до 1 июля 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 августа 2016г.

Август 2016г.

III Международная научно-практическая конференция **«Новые тенденции развития общественных наук», г. Ростов-на-Дону**

Прием статей для публикации: до 1 августа 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 сентября 2016г.

Сентябрь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция **«Общественные науки в современном мире», г. Уфа**

Прием статей для публикации: до 1 сентября 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 октября 2016г.

Октябрь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция **«Основные проблемы общественных наук», г. Волгоград**

Прием статей для публикации: до 1 октября 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 ноября 2016г.

Ноябрь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция **«Общественные науки: вопросы и тенденции развития», г. Красноярск**

Прием статей для публикации: до 1 ноября 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 декабря 2016г.

Декабрь 2016г.

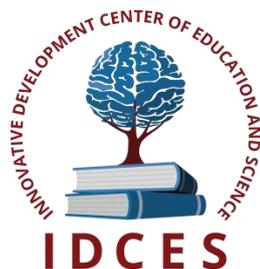
III Международная научно-практическая конференция **«Перспективы развития современных общественных наук», г. Воронеж**

Прием статей для публикации: до 1 декабря 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 января 2017г.

С более подробной информацией о международных научно-практических конференциях можно ознакомиться на официальном сайте Инновационного центра развития образования и науки www.izron.ru (раздел «Общественные науки»).

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

Общественные науки: вопросы и тенденции развития

Выпуск III

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(11 ноября 2016г.)**

г. Красноярск

2016 г.

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка авторская

Подписано в печать 10.11.2016.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 6,4.
Тираж 250 экз. Заказ № 116.

Отпечатано по заказу ИЦРОН в ООО «Ареал»
603000, г. Нижний Новгород, ул. Студеная, д. 58